

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ФИЛИП ХОСЕ ФАРМЕР

ЛЮБОВНИКИ ПЛОТЬ

Фантастика: классика и современность

Филип Фармер

Любовники. Плоть

«Издательство АСТ»

1960, 1961

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Фармер Ф. Х.

Любовники. Плоть / Ф. Х. Фармер — «Издательство АСТ», 1960, 1961 — (Фантастика: классика и современность)

ISBN 978-5-17-132906-8

Филип Хосе Фармер (1918–2009) – американский писатель-фантаст, визитной карточкой которого стали эпатаж и приверженность к авантюрно-фантастическим сюжетам. Его «Любовники» были отвергнуты рядом крупных издательств, в том числе знаменитым Джоном У. Кемпбеллом, редактором «Удивительной научной фантастики», однако читатели встретили творение молодого автора с восторгом, свидетельство чему – «Хьюго»-1953, «самому многообещающему новому автору». В последующие годы Фармер упрочил свою репутацию бунтаря и мечтателя. Он публиковал «сексуально-фантастические» романы в порноиздательстве «Эссекс Хаус». Он поссорился с Куртом Воннегутом, сделав автором своего произведения Килгора Траута, альтер эго Воннегута. Он возродил к жизни Филеаса Фогга и Тарзана, придав классическим литературным героям грубой телесности и одарив их способностями настоящих супергероев. Он создал ряд удивительных циклов: «Речной мир», «Многоярусный мир», «Мир дней», странные и привлекательные сюжеты которых не одно десятилетие восхищают читателей. «Любовники» и «Плоть» – ранние романы Ф. Х. Фармера, наполненные социальной сатирой на серую пуританскую Америку и невероятными приключениями героев, попавших в ловушку собственной сексуальности. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-132906-8

© Фармер Ф. Х., 1960, 1961

© Издательство АСТ, 1960, 1961

Содержание

Любовники	7
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	25
Глава пятая	30
Глава шестая	35
Глава седьмая	42
Глава восьмая	48
Глава девятая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Филип Хосе Фармер
Любовники. Плоть
(Сборник)

© Philip Jose Farmer, 1960, 1961

© Перевод. М. Левин, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Любовники

Посвящается Сэму Майнсу, который видел глубже других

Глава первая

– Я должен выбраться, – услышал издали чье-то бормотание Хэл Ярроу. – Должен быть выход.

Внезапно проснувшись, он понял, что сам это и говорил. Более того: то, что он сказал, вынырнув из сна, никак с этим сном не было связано. Сон – одно, а слова, сказанные на границе пробуждения – совсем другое.

Но что же он хотел этим сказать? И где он? Вправду ли он переместился во времени – или то была сонная иллюзия? Но такая яркая, живая, что приходил в себя он очень медленно.

Взгляд на сидящего рядом человека прояснил его мысли. Он был в карете, направляющейся в Сигмен-Сити, в 550 году Эры Сигмена (по старому стилю – 3050 от Р. Х., – подсказал цепкий ум ученого). Значит, он вовсе не в путешествии по времени? Не во сне? Не на чужой планете за много световых лет отсюда, за десятилетия от нынешнего момента? И не лицом к лицу с достоправным Исааком Сигменом, Предтечей, да будет реальным имя Его?

Сидящий рядом человек поглядывал на Хэла искоса. Худощавый, с широкими скулами, прямыми черными волосами и карими глазами с едва заметной монголоидной складкой, одет он был в светло-синюю форму класса инженеров, украшенную алюминиевой эмблемой, указывающей на принадлежность к высшему эшелону. По всей видимости, инженер-электронщик с дипломом одной из лучших школ, обучавших этому ремеслу.

Человек откашлялся и сказал по-американски:

– Тысяча извинений, *авва*. Я знаю, что не должен бы обращаться к вам без разрешения. Но при пробуждении вы сказали нечто весьма любопытное. К тому же пребывание в одной и той же кабине временно уравнило наши статусы. В любом случае любопытство так просто меня не отпустит. Не зря же меня прозвали Сэм-Проныра!

Смущенно хохотнув, он продолжал:

– Совершенно случайно я услышал, как вы поставили стюардессу на место – это когда она говорила, будто у вас нет права сидеть здесь. Я не ослышался, – вы сказали, что *наврете* ей, и тогда она отстала?

Хэл понял не сразу, потом улыбнулся:

– Нет. Я ей сказал, что я универсал, *наврум*. Аббревиатура, по первым буквам, *на-все-руки-мастер*. Однако невелика ошибка: профессионалы частенько говорят, будто универсал совет – не дорого возьмет.

Он вздохнул, припомнив все те унижения, которые пришлось выдержать, когда он решил не становиться узким специалистом, и отвернулся к окну, не желая поощрять соседа к разговору. Вдали виднелось яркое сияние – это, видимо, входил в атмосферу военный корабль. Немногочисленные гражданские судна спускались медленнее и не так резко.

С высоты шестидесяти тысяч метров он глядел на изгиб Северной Америки. Она была сплошной полосой света, здесь и там перетянутой лентами темноты, среди которых иногда попадалась лента пошире. Такой полоской могла быть горная гряда или водный массив, на котором человек пока еще не успел возвести никакого жилья или фабрики. Огромный город, мегалополис. Подумать только: всего триста лет назад на всем континенте населения было едва ли два миллиона. А еще лет через пятьдесят – если не случится катастрофы, вроде войны

между Гавайским Союзом и Израильской Республикой, население Северной Америки достигнет четырнадцати, а то и пятнадцати миллиардов!

Единственной областью, которую тщательно обтекала жилая зона, был Заповедник Гудзонова Залива. Хэл покинул Заповедник всего пятнадцать минут назад, но уже тосковал по нему, зная, что вернуться не сможет очень долго.

Он снова вздохнул. Заповедник Гудзонова Залива. Тысячи деревьев, горы, широкие синие озера, птицы, кролики, лисы, даже, по словам рейнджеров, рыси. Впрочем, последних осталось так мало, что через десять лет придется добавлять этих рыжих красавцев в длинный список вымерших животных.

В Заповеднике можно было дышать полной грудью, чувствовать свободу от оков. Свободу. И еще там острее чувствовалось одиночество, и время от времени – тревога. Он едва-едва научился с нею справляться, когда его работа среди двадцати франкоговорящих обитателей Заповедника закончилась.

Человек рядом заерзал, пытаясь набраться храбрости и снова обратиться к соседу-профессионалу. Нервно кашлянув пару раз, он сказал:

– Сигмен свидетель, надеюсь, я вас не обидел? Но мне вот интересно...

На самом деле Хэл Ярроу чувствовал себя задетым, поскольку этот человек проявил чрезмерную навязчивость. Но он напомнил себе слова Предтечи: «Все люди – братья, хотя одни любезны отцу более других». И этот человек несколько не виноват, что салон первого класса был битком набит людьми с высшим приоритетом, и Хэлу пришлось выбирать между поездкой следующей каретой и соседством с низшим эшелонном.

– Все *шиб*, – сказал Ярроу. И объяснил, почему он здесь.

– А! – сказал этот человек, словно бы с облегчением в голосе. – Тогда... можно еще вопрос? Не зря же меня зовут Сэм-Проныра, ха-ха!

– Можно, – сказал Хэл Ярроу. – Наврум, хотя и мастер на все руки, не занимается всеми науками сразу. На деле он ограничен конкретной дисциплиной, но в ней старается дойти до сути во всех тонкостях и ответвлениях знания. Я – наврум-лингвист. Я не ограничиваю себя одной из многих областей лингвистики, обладая отменным общим знанием этой науки. Это качество позволяет мне сопоставлять процессы, происходящие в разных ее областях, искать в одной специальности то, что может быть интересно человеку другой специальности, и извещать его об этом. В противном случае специалист, у которого нет времени на чтение сотен журналов даже по своей узкой направленности, мог бы пропустить нечто полезное.

– Во всех профессиях есть свои наврумы, которые поступают точно так же. На самом деле мне очень повезло с моей специализацией. Будь я наврумом медицинским, даже не знаю, как бы выгреб из пучины информации, пришлось бы работать с целой командой наврумов, и даже в этом случае мне бы не светило стать подлинным профессионалом – пришлось бы ограничиться какой-то одной областью. Таково чудовищное количество публикаций в каждой специальности – медицине, или электронике, или физике, или вообще в любой науке, что координировать всю дисциплину целиком не сможет ни человек, ни команда. К счастью, мой интерес всегда составляла лингвистика. Я в некотором смысле нахожусь в тепличных условиях. Иногда у меня даже находится время для собственных исследований, и в исходящей бумажной лавине попадают и мои листочки.

– Конечно, я пользуюсь компьютерами, но даже наисложнейший компьютерный комплекс – всего лишь разумный идиот. Необходим человеческий разум – довольно-таки острый, простите за нескромность, – чтобы понять, какие предметы важнее других, и выстроить между ними и среди них осмысленные ассоциации. На них-то я и указываю специалистам, и специалисты подхватывают мои находки. Наврум – это, можно сказать, творческий соотноситель.

– Тем не менее, – добавил он, – это отнимает у меня немало личного времени для сна. Мой долг – работать по двенадцать часов в день или более во славу и на пользу Церства.

Последнюю фразу он ввернул на всякий случай. Если этот человек вдруг окажется узником или подуззитником, он не сможет донести, будто Хэл обманывает Церство. Вряд ли это так, но рисковать все равно не стоило.

На стене над входом в салон замигал красный сигнал, и записанный на пленку голос велел пассажирам пристегнуть ремни. Через десять секунд карета начала торможение, еще через минуту резко нырнула и стала терять высоту со скоростью, как сообщили Хэлу, тысяча метров в минуту. Теперь, ближе к земле, Хэл видел, что Сигмен-Сити (переименованный из Монреаля десять лет назад, когда он стал столицей Гавайского Союза вместо исландского Река) уже не был одним гигантским световым пятном. Темные пятнышки – наверное, парки, – виднелись тут и там, и вилась между ними тонкая черная лента Пророка, некогда – река св. Лаврентия. На высоту в полкилометра вздымались в воздух *пали* города, в каждой не менее ста тысяч особей, и в этой зоне их было три сотни такого размера.

В центре столицы находилась площадь, занятая деревьями и правительственными зданиями, не более чем в пятьдесят этажей высотой. Это был Университет Сигмен-Сити, в котором и трудился Хэл Ярроу.

Но жил он в *пали* по соседству, туда и ехал на Ремне, выйдя из кареты. Сейчас это ощущение возросло до максимума – ощущение, сопровождавшее его во все часы бодрствования, но ни разу доселе не осознанное, – пока не съездил в исследовательскую командировку в Заповедник Гудзонова Залива. Это было ощущение толпы – плотной, шевелящейся, толкающейся, смердящей массы человеческого мяса.

Толпа сдавливала его, и был он всего лишь тело среди прочих тел, человек среди множества людей, безликое, мимолетное препятствие на пути.

– Великий Сигмен! – буркнул он. – Как же был я глух, нем и слеп в своем неведении. Я же их *терпеть не могу!*

И почувствовал, как заливается краской вины и стыда. Вгляделся в окружающие его лица, будто они могли считать его ненависть, вину, смятение. Но нет, они не видели, да и не могли ничего такого видеть. Для них он всего лишь обыкновенный пассажир, с которым при личном знакомстве следует обращаться с уважением, ибо он профессионал. Но не здесь, на Ремне, уносящем этот поток живой массы по своему руслу. Обыкновенный мешок мяса и костей, скрепленных хрящами и обтянутых кожей. Такой же, как все они, а значит – пустое место.

Потрясенный этим внезапным откровением, Хэл сошел с Ремня. Скорее уйти от них от всех подальше, сбежать от чувства, будто он обязан перед ними извиниться и одновременно – от жгучего желания наброситься на них с кулаками.

Несколько шагов в сторону – и над ним открылась пластиковая губа *пали* № 30 – резиденции сотрудников Университета. Войдя внутрь, он не почувствовал себя лучше, хотя желание извиниться перед пассажирами Ремня остыло. Вряд ли они поняли, что он внезапно почувствовал к ним отвращение. Его лицо не дрогнуло, ни единая черточка не исказилась.

И даже это полная чушь, говорил он себе, прикусывая губу. Те, на Ремне, вряд ли могли догадаться – разве что они каким-то образом ощутили то же давление и отвращение. А если так, то кто они такие, чтобы ему указывать?

Сейчас он был среди своих. Люди в мешковатой форме профессионала с изображением крылатой ноги на клетчатом фоне – яркий клочок материи на левой груди. Единственное различие между мужчинами и женщинами: у женщин – юбки в пол поверх брюк, сетка на волосах и у некоторых вуаль. Последняя была аксессуаром не слишком редким, но уже отмирающим – обычай соблюдали пожилые женщины и наиболее консервативные из молодых. Прежняя мода сейчас отмечала придерживающуюся ее женщину как безнадежно устаревшую в своих вкусах – пусть даже правдоподобно время от времени восхвалял вуаль и сожалел о забвении столь славного предмета.

Хэл на ходу перебрасывался со встречными коллегами парой-тройкой слов. Издали увидел доктора Ольвегссена, декана своего факультета, и задержался посмотреть, не хочет ли Ольвегссен с ним поговорить. И даже это он сделал лишь потому, что у доктора была власть заставить его пожалеть о неоказанном уважении.

Но Ольвегссен был явно занят – помахал Хэлу рукой, крикнул издалека: «Алоха!» – и пошел дальше. Седовласый старик, он пользовался приветствиями и стандартными фразами своей юности.

Ярроу с облегчением перевел дыхание. Раньше казалось, что ему непременно захочется обсудить свое пребывание среди франкофонных туземцев заповедника, но сейчас он понял, что ни с кем говорить не хочет. Может быть, завтра. Но сейчас точно нет.

Хэл Ярроу ждал у двери лифта, пока хранитель проверял будущих пассажиров, определяя наличие приоритета. Когда двери лифта открылись, он вернул Хэлу карту.

– Вы первый, *авва*, – сказал он.

– Благослови вас Сигмен, – ответил Хэл машинально.

Вошел в лифт и встал у стены возле двери, пока определяли и ранжировали остальных.

Ждать пришлось недолго – хранитель уже не первый год был на этой работе и знал всех в лицо. Тем не менее, формальности он должен был соблюдать неукоснительно: то и дело кто-нибудь из жильцов бывал повышен – или понижен. Если хранитель ошибется и не определит перемены статуса, о нем будет доложено. Годы, проведенные на посту, свидетельствовали, что этот человек свою работу знает.

В лифт набилось четыре десятка человек. Хранитель тряхнул кастаньетами, дверь закрылась, и лифт рванул вверх так, что у пассажиров подогнулись колени. А лифт продолжал набирать скорость: это был экспресс. На тридцатом этаже он остановился, двери открылись. Никто не вышел. Тогда оптический механизм лифта закрыл двери, и лифт продолжил движение вверх.

Были еще остановки, на которых никто не выходил, а потом лифт наполовину опустел. Хэл сделал глубокий вдох, потому что если на улицах или на уровне первого этажа казалосьлюдно, то в самом лифте стояла ужасная давка. Еще десять этажей, то же гробовое молчание, что и раньше: все до одного вслушивались в голос правдовещателя, гремевший с потолка. Потом двери открылись на этаже Хэла.

Коридоры были пятнадцати футов в ширину – и в это время суток места хватало всем. Сейчас коридоры пустовали, чему Хэл обрадовался. Уклонись он от короткой беседы с соседями, его сочли бы странным. Это неизбежно породило бы толки, а те, в свою очередь, неприятности. Как минимум – объяснение с *гангтом* этажа. Задушевную беседу, нотацию, и Предтеча знает, что еще.

Он прошел метров сто, а потом, уже видя дверь в свою *пуку*, остановился.

Сердце вдруг бешено заколотилось, руки задрожали. Хотелось повернуться и пойти обратно к лифту.

Это, сказал он себе, нереалистическое поведение. Не такие у него должны быть чувства.

Кроме того, Мэри еще как минимум пятнадцать минут не будет дома.

Он толкнул дверь (естественно, никаких замков на этом уровне профессионалов) и вошел. Стены засветились, и через десять секунд свет горел уже полностью. Одновременно ожил тридэ во всю стену напротив и зазвучали голоса актеров. Хэл вздрогнул, буркнул про себя: «Великий Сигмен!», поспешно шагнул вперед и выключил стену. Он знал, что включенным прибор оставила Мэри, чтобы тот ожил сразу, как только Хэл войдет. Он так часто ей говорил, как это его пугает, что забыть она никак не могла. Следовательно, это сделано нарочно, сознательным был ее порыв или бессознательным.

Он пожал плечами и сказал себе, что больше этот вопрос поднимать не станет. Если она решит, что тридэ ему не мешает, быть может, забудет его включать, уходя.

Но опять же: она может задуматься, почему это он вдруг молчит о ее предполагаемой забывчивости. И будет продолжать в надежде, что он в конце концов не выдержит, сорвется и начнет на нее орать.

И опять получится, что она выиграет этот раунд, потому что не станет оправдываться, а будет выбешивать его своим молчанием и мученическим видом, что разозлит его еще больше.

Потом, конечно, она будет вынуждена выполнить свой долг, как бы это ни было для нее мучительно. В конце месяца она пойдет к *ганниту* блока и обо всем доложит. А это будет означать один или несколько черных крестов в его Моральном Рейтинге, и ему придется стирать кресты каким-нибудь значительным усилием. А эти усилия, если он их предпримет – что ложилось тяжким бременем на его плечи, – означают потерю времени, отнятого у более... осмелится ли он признаться в этом самому себе? – более стоящего проекта.

А если он возразит, что она мешает его продвижению в профессии, мешает зарабатывать больше денег, переехать в большую *пуку*, то вынужден будет слушать ее печальный, укоряющий голос, спрашивающий, действительно ли он хочет, чтобы она поступила нереалистически? Неужели он просит ее не говорить правду, солгать умолчанием или деянием? Не может быть, чтобы он этого хотел, потому что если так, то и его, и ее личность в смертельной опасности. Никогда им не увидеть светлого лика Предтечи, и никогда...

И так далее, и так далее, и возразить ей нечего.

Да, она постоянно его спрашивала, отчего он ее не любит. А когда он отвечал, что любит, она продолжала говорить, что нет. Тут наступал его черед спросить: она полагает, что он лжет? Ибо он вовсе не лжец, и если она его называет лжецом, он вынужден будет доложить об этом *ганниту* блока. Тут, совершенно нелогично, она раздражается слезами и говорит, что так и знала, что он не любит ее. Если бы любил на самом деле, он бы помыслить не мог докладывать о ней *ганниту*.

Когда он возразит, что она-то считает, будто для нее *шиб* доложить о нем, она ответит новыми потоками слез. Или ответила бы, если бы он снова попался. Но он в который раз поклялся себе, что не попадется.

Хэл Ярроу прошел через гостиную – комнату три метра на три – в единственное другое помещение, кроме неназываемой: в кухню. В кухне три на два с половиной метра он спустил с потолка по стене плиту, набрал на панели нужный код и вернулся в гостиную. Снял пиджак, скатал его в шар и сунул под стул. Он знал, что Мэри его там найдет и сделает ему выговор, но наплевать! Слишком он устал, чтобы тянуться к потолку и спускаться оттуда крюк.

Тенькнул сигнал с кухни – ужин был готов.

Хэл решил сперва поесть, а потом просмотреть почту. Пошел в неназываемую вымыть руки и лицо. Машинально пробормотал молитву омовения: «Да будет мне дано смыть нереальность так же легко, как смывает вода эту грязь, и да будет на то воля Сигмена».

Отмывшись, он нажал кнопку над умывальником рядом с портретом Сигмена. На короткий миг на него глянуло лицо Предтечи – длинное худое лицо с клоком ярко-рыжих волос надо лбом, большими торчащими ушами, густыми соломенными бровями, сросшимися над крупным крючковатым носом с раздутыми ноздрями, светло-синими глазами, длинной оранжево-рыжей бородой, с губами, тонкими, как лезвие ножа. Потом лицо стало гаснуть, таять. Секунда – и Предтеча исчез, сменившись зеркалом.

Хэлу было позволено смотреть в зеркало лишь *некоторое время* – достаточное, чтобы убедиться в чистоте лица и причесаться. Ничто не могло бы помешать ему стоять дольше отведенного периода, но он никогда не превышал его. Каковы бы ни были его грехи, самолюбование в их список не входило. По крайней мере, так он себе всегда говорил.

И все же он задержался, быть может, чуть-чуть дольше необходимого, разглядывая широкие плечи и лицо долговязого мужчины тридцати лет. Волосы у него были рыжие, как у Предтечи, но чуть темнее, почти бронзовые. Лоб высокий, широкий, брови темно-русые, широко

расставленные темно-серые глаза, нос прямой, обычного размера, верхняя губа немного длиннее, чем нужно, губы полные, подбородок слегка выдается.

Хэл еще раз нажал кнопку. Серебро зеркала потемнело, рассыпалось яркими полосами. Потом свет сгустился, восстановившись в портрет Сигмена. На миг Хэл увидел поверх Сигмена свое изображение, потом его черты растаяли, поглощенные Предтечей, зеркало окончательно исчезло, и остался лишь портрет.

Выйдя из неназываемой, Хэл вернулся на кухню. Проверил, что дверь заперта (запирались только двери в кухню и в неназываемую) – не хотел, чтобы Мэри застигла его во время еды. Открыл дверь духовки, вытащил теплую коробку, положил ее на столешницу, отогнутую от стены, и толкнул плиту обратно к потолку. Открыл коробку и все съел. Выбросив пластиковый контейнер в отверстие утилизатора на стене, вернулся в неназываемую и вымыл руки.

Пока он их мыл, послышался голос Мэри, зовущий его по имени.

Глава вторая

Хэл помедлил секунду, хотя и не знал зачем – так, бездумно. Потом ответил:

– Мэри, я здесь.

– А! Ну, конечно. Я знала, что ты там, если ты дома. Где тебе еще быть?

Он вышел в гостиную, хмурясь на ходу.

– Тебе непременно нужно встречать меня лавиной сарказма после столь долгой разлуки?

Мэри была высокой – всего на полголовы ниже Хэла. Белокурые волосы убраны со лба и крепко стянуты на затылке. Глаза светло-синие. Черты лица правильные и мелкие, но чересчур тонкие губы немного портили ее облик. Мешковатая кофта с воротником под горло и свободная юбка в пол не давали ни малейшего представления о ее фигуре. Была ли она у нее вообще – фигура, Хэл понятия не имел.

– Никакого сарказма, Хэл. Чистый реализм. Где еще тебе быть? Тебе достаточно было бы просто сказать «да». И когда я прихожу, ты всегда там, – она показала на дверь в неназываемую. – Как будто ты все свободное от работы время проводишь только там. Словно хочешь от меня спрятаться.

– Да уж, мило ты меня встречаешь, – сказал он.

– Ты меня не поцеловал.

– Прости. Это же моя обязанность, совсем забыл.

– Это не должно быть обязанностью, – ответила она. – Это должна быть радость.

– Трудно радоваться поцелуям губ, издающих рычание.

Он не ожидал, что Мэри не огрызнется как обычно, а заплачет. Ему сразу стало стыдно.

– Прости, – сказал он. – Но признай, что ты вошла в дом не в самом радужном настроении.

Он подошел к ней и хотел обнять, но она отвернулась. Все-таки он поцеловал ее в угол рта, когда она повернула голову.

– Я не хочу, чтобы ты делал это из жалости ко мне или потому что это твоя обязанность, – сказала она. – Я хочу, чтобы ты так делал, потому что меня любишь.

– Но ведь я же и люблю тебя, – ответил он, казалось, уже в тысячный раз с момента свадьбы. И услышал, как неубедительно это звучит. Да, сказал он себе, он ее любит. Должен любить.

– Весьма нестандартный способ показывать свою любовь, – сказала она.

– Давай забудем все это и начнем сначала, – предложил он. – Здесь и сейчас.

И начал целовать ее, но она отстранилась.

– Какого Ч? – спросил он.

– Приветственный поцелуй я от тебя получила, – сказала она. – А раздувать в себе чувственность не обязательно. Не место и не время.

Он всплеснул руками:

– Да кто тут раздувает чувственность? Я лишь хотел вернуть упущенный момент – как будто ты только что вошла в дверь. Неужто один-единственный лишний поцелуй – это хуже, чем ссора? Твоя проблема в том, Мэри, что ты все воспринимаешь абсолютно буквально. Разве ты не знаешь, что сам Предтеча не требовал, чтобы его предписания воспринимались буквально? Он говорил, что иногда обстоятельства требуют изменений!

– Да, и еще он говорил, что мы не должны чрезмерными умствованиями оправдывать отступление от его закона. Сперва нужно совместно с *гипототом* выяснить, реально ли наше поведение.

– Ну как же! – скривился он. – Вот прямо сейчас позвоню нашему доброму ангелу-хранителю *pro tempore* и спрошу его, можно ли поцеловать тебя снова!

– Это единственный надежный способ, – сказала она.

– О всемогущий Сигмен! – воскликнул Хэл. – Не знаю, плакать мне или смеяться. А что я *знаю*, так это то, что не понимаю тебя! И никогда не пойму!

– Помолись Сигмену, – предложила она. – Моли его дать тебе реальность. И тогда у нас не будет трудностей.

– Сама помолись. Ссора – дело двоих, и ты ответственна за нее не меньше, чем я.

– Поговорим позже, когда ты остынешь, – сказала она. – Мне нужно умыться и поесть.

– На меня не рассчитывай, – ответил он. – Я буду занят до самого отбоя. Перед докладом Ольвегссену мне нужно доделать порученную Церством работу.

– Ручаюсь, ты рад, что все так обернулось. Я думала, у нас будет хороший разговор. Ты же ни словом не обмолвился про поездку в Заповедник.

Он не ответил.

– И не делай такое лицо! – сказала она.

Он снял со стены портрет Сигмена и развернул его на стуле, опустил прижатый к стене проектор-увеличитель, вложил в него письмо, настроил рукоятки управления, надел очки-дешифраторы и вставил в ухо наушник, потом сел на стул. При этом он улыбнулся. Мэри наверняка заметила его улыбку и, должно быть, подумала про себя, что бы могло ее вызвать, но спрашивать не стала. Да и спроси она, ответа бы не дождалась. Не мог же он сказать ей, что сидеть на портрете Предтечи – весьма забавное ощущение. Она была бы шокирована – или притворилась шокированной, он никогда не мог сказать, как она отреагирует на то или иное действие. В любом случае, она была лишена хоть сколько-нибудь заметного чувства юмора, а он не собирался говорить ей ничего, что привело бы к понижению его М.Р.

Хэл нажал кнопку, включающую проектор, и откинулся на спинку стула, чувствуя себя напряженным комком нервов.

Тут же на противоположной стене появилось увеличенное изображение с пленки. Мэри без очков была видна лишь белая стена. А Хэл одновременно с картинкой слышал записанный на пленку голос.

Прежде всего, как обычно в официальных письмах, на стене появилось лицо Предтечи. Сопровождающий голос произнес:

– Восславим же Исаака Сигмена, в ком реальность пребывает и вся правда из коего истекает! Да благословит он нас, следующих по его стопам, и да проклянет врагов своих, учеников *нешибного* Уклониста!

Пауза в голосе и небольшое прерывание проекции для зрителя, чтобы дать ему возможность помолиться. Потом на стене замигало одиночное слово – *уоггл*, – и чтец продолжал вещать:

– Преданный и верный Хэл Ярроу!

Вот первое из списка слов, не так давно появившееся в словаре американоязычного населения Союза. Это слово – *уоггл* – возникло в департаменте Полинезия и радиально распространилось на все американоязычные народы департаментов Северной Америки, Австралии, Японии и Китая. Как ни странно, оно пока еще не проявилось в департаменте Южной Америки, который, как тебе, несомненно, известно, занимается также и Северной Америкой.

Хэл Ярроу улыбнулся, хотя было время, когда его раздражали подобные утверждения. Когда же отправители таких писем наконец поймут, что он не только высоко, но и *всесторонне* образован? В данном конкретном случае даже полуграмотные из низших классов населения должны знать, где находится эта Южная Америка, – по той причине, что Предтеча много раз упоминал этот континент в «Западном Талмуде» и «Реальном мире и времени». Однако верно и то, что школьные учителя непрофов могли и не указывать своим подопечным местоположение Южной Америки, даже зная его наверняка.

– Слово «уоггл», – продолжал диктор, – впервые было зафиксировано на Таити. Этот остров находится в центре Полинезийского департамента и населен потомками австралийцев, колонизировавших остров после войны Апокалипсиса. В настоящий момент Таити является базой военных звездолетов. Слово «уоггл» очевидным образом распространяется с острова, но его употребление ограничено в основном непрофессионалами. Исключением же являются профессионалы космической области. Мы чувствуем, что есть некая связь между появлением этого слова и тем фактом, что первыми его стали употреблять космонавты – насколько нам известно.

– Правдовещатели запросили разрешение на использование этого слова в эфире, но им было отказано до полнейшего изучения вопроса.

– Само слово, насколько можно судить на сегодняшний день, используется в форме прилагательного, существительного и глагола. В основном используется в презрительно-уничижительном контексте, хотя и не эквивалентно лингвистически приемлемым словам «бардак» (в смысле беспорядок) и «сглаз». Кроме того, в нем присутствует значение чего-то чужого, иномирного, то есть нереалистичного.

– Настоящим тебе приказано исследовать слово «уоггл» согласно плану № ST-LIN-476, если только тобой не получен приказ с более высоким номером приоритета. В любом случае ты ответишь на это письмо не позже 12 плодородия 550 года.

Хэл прогнал письмо до конца. К счастью, у остальных трех слов приоритет был ниже. Не нужно пытаться прыгнуть выше головы: исследовать все четыре одновременно.

Но уезжать придется завтра утром после доклада Ольвегсену. То есть не стоит даже распаковывать вещи: все равно день за днем предстоит носить одну и ту же одежду, иногда не успевая даже ее вычистить.

Не то чтобы он не желал поскорее убраться отсюда. Просто сейчас он устал и хотел бы немного отдохнуть перед очередной командировкой.

«Отдохнуть?» – спросил он себя, сняв очки и посмотрев на Мэри.

Она как раз поднималась со стула, выключив тридэ. Наклонилась выдвинуть ящик из стены. Он увидел, что Мэри достает их ночную одежду, и, как в прошлую ночь и в несколько ночей до того, ощутил вздымающуюся волну тошноты.

Обернувшись, Мэри удивилась выражению его лица.

– В чем дело?

– Ни в чем.

Она прошла по комнате (всего несколько шагов из конца в конец – это ему напомнило, насколько больше шагов приходилось делать, когда он был в Заповеднике). Подав ему скомканную массу белья, она сказала:

– Не думаю, что Олаф все это чистил. Не его вина, конечно – деионизатор не работает. Он оставил записку, что вызвал техника. Но ты же знаешь, как долго они чинят.

– Я сам почию, когда выдастся свободная минута, – ответил он. – Великий Сигмен! Сколько же времени чистка не работает?

– С самого твоего отъезда, – ответила она.

– Как же он потеет! – сказал Хэл. – Как будто живет в вечном ужасе. Неудивительно! Старина Ольвегсен меня тоже пугает.

Мэри покраснела.

– Я все время, *постоянно* молюсь, чтобы ты не богохульствовал, – сказала она. – Когда ты бросишь эту нереальную привычку? Разве ты не знаешь...

– Знаю, – резко перебил он. – Каждый раз, как произношу имя Предтечи всуе, именно на это время я задерживаю Остановку Времени. И что?

Мэри вздрогнула и отшатнулась от этой вспышки ярости.

– И что? – повторила она. – Хэл, ты серьезно?

– Нет, конечно! Как я могу сказать такое всерьез? – ответил он, тяжело дыша. – Конечно, нет! Как можно? Просто меня бесит, что ты постоянно тычешь мне в нос моими провинностями.

– Предтеча сказал, что каждый должен напоминать брату своему о его нереальностях.

– Я тебе не брат. А муж, – сказал он. – Хотя частенько – сейчас, например, – жалею об этом.

Маска чопорной святоши слетела с лица Мэри, глаза ее наполнились слезами, задрожали губы и подбородок.

– Сигмена ради! – сказал Хэл. – Только не плачь.

– А как мне удержаться от слез, – всхлипнула она, – когда мой собственный муж, плоть моя и кровь, соединенный со мной Реальным Церством, обрушивает на меня столь несправедливые слова? И я ведь ничем этого не заслужила.

– Ничем, кроме того, что постоянно закладываешь меня *гангшту*, – ответил он. Отвернувшись от нее, он отогнул кровать от стены. – Похоже, что постельное белье тоже воняет Олафом и его толстухой женой.

Он понюхал простыню, брезгливо сморщил нос:

– Фу!

Сорвал с матраса все постельное белье и бросил на пол. И свою пижаму тоже.

– К Ч это все! Буду спать в одежде. А ты еще называешь себя женой? Почему же наше барахло не оттащила к соседям и у них не почистила?

– Ты сам знаешь, – ответила Мэри. – У нас нет денег, чтобы заплатить за пользование их чисткой. Будь у тебя М.Р. повыше...

– А как мне повысить М.Р., когда ты бегом бежишь к *гангшту* и докладываешь о каждом мельчайшем моем отступлении?

– А вот это уже *не моя вина!* – возмутилась она. – Какой я была бы сигмениткой, когда бы солгала доброму *авве* и сказала, что ты заслуживаешь лучшего М.Р.? Да я бы спать спокойно не смогла после такого, зная, как глубоко была нереальна и что Предтеча видит мою ложь! Когда я говорю с *гангстом*, то чувствую, как жгут меня невидимые глаза Исаака Сигмена, читая каждую мою мысль. *Я просто не могла бы!* Стыдись! Желать, чтобы я пошла на такое!!

– И Ч с тобой! – огрызнулся он и удалился в неназываемую.

Внутри тесного помещения он сбросил одежду и встал под разрешенный ему тридцатисекундный водяной душ. Приблизился к ветросушилке и подождал, пока обсохнет. Потом почистил зубы, яростно орудуя щеткой, стараясь стереть ужасные слова, прозвучавшие минуту назад. Как обычно, ему становилось стыдно за них. И вслед за стыдом явился страх, что Мэри расскажет *гангшту*, что расскажет *гангшту* он сам и что будет потом. Вполне возможно, что его М.Р. еще больше понизят, что его оштрафуют. И тогда его бюджет, вытянутый в тонкую ниточку, просто лопнет. И он окажется в таком долгу, в каком еще не бывал, не говоря уже о том, что его проигнорируют, когда придет время следующего повышения.

С этими мыслями он оделся в ту же одежду и вышел из неназываемой. Мэри протиснулась мимо него, направляясь туда же. Она удивилась, увидев его в одежде, остановилась и сказала:

– Вот как? Да, ты же бросил ночную одежду на пол! Хэл, не может быть, чтобы ты решился...

– Именно так, – ответил он. – Я не буду спать в потных тряпках Олафа.

– Хэл, пожалуйста, не произноси этого слова. Ты знаешь, что я не выношу ругани.

– Прошу прощения, – сказал он. – Возможно, ты предпочтешь, чтобы я выбрал для этого исландское слово или что-то из иврита? В любом языке, какой ни возьми, это слово означает те же мерзкие человеческие выделения: ПОТ!

Мэри зажала уши ладонями, вбежала в неназываемую и захлопнула за собой дверь.

Он бросился на тощий матрас и закрыл глаза локтем, защищаясь от света. Через пять минут он услышал, как открывается дверь (она поскрипывала, требуя смазки, но, конечно, не получит ни капли, пока их и Олафа Маркони бюджет не позволит ее купить). А если его М.Р. резко устремится вниз, то Маркони могут подать прошение о переводе в другую квартиру. И если найдут такую, то к Хэлу и Мэри поделят другую, еще более сомнительную пару (вероятно, едва-едва повышенную из низшего класса профессионалов).

«О Сигмен! – подумал он. – Отчего же я не могу довольствоваться тем, что имею? Почему не могу полностью принять реальность? Зачем во мне столько от Уклониста? Скажи мне, скажи!»

И услышал голос Мэри, устраивавшейся рядом с ним:

– Хэл, но ты же не всерьез придумал этот *неишб*?

– Какой *неишб*? – переспросил он, хотя знал, о чем она говорит.

– Спать в дневной одежде.

– А что такого?

– Ты сам отлично знаешь, что такого, Хэл!

– Нет, не знаю.

Он убрал руку с глаз и уставился в сплошную черноту. Мэри, как предписано, выключила свет полностью.

Ее тело, обнаженное тело, белело бы в свете лампы или луны, подумал он. Но я никогда не видел ее тела, не видел ее даже полураздетой. Никогда-никогда не видел тела ни одной женщины – если не считать картинку, которую мне показал тот человек в Берлине. А я бросил полуголодный-полуиспуганный взгляд и убежал от него со всех ног. Интересно, нашли ли его после этого узиты и поступили ли с ним так, как поступают с людьми, столь омерзительно извращающими реальность?

Столь омерзительно... да... и все же сейчас он видит эту картинку воочию, как тогда, в полном свете берлинского дня. И человека видит, который пытался ему ее продать – высокого приятного юношу, светловолосого, широкоплечего. Он использовал при разговоре берлинский диалект исландского.

Тело белеет...

Мэри молчала. Несколько минут ничего, кроме ее дыхания, не было слышно. Потом:

– Хэл, разве мало всякого ты натворил с тех пор, как вернулся? Тебе обязательно заставлять меня еще больше рассказывать *ганнты*?

– А чего это я такого сделал? – спросил он со злобой.

И при этом все же слабо улыбнулся, решив, что заставит ее говорить прямо, безо всяких околичностей. Не то чтобы она когда-нибудь оказалась на это способна, но он хотел подбаться настолько близко, насколько она позволит.

– Именно так. Ты ничего не сделал, – прошептала она.

– В смысле?

– Сам знаешь.

– Нет, не знаю.

– В ночь накануне твоего отъезда в Заповедник ты сказал, что слишком устал. Это не было реальным поводом, но я ничего не сказала *ганнты*, потому что свою еженедельную обязанность ты выполнил. Но тебя не было две недели, и сейчас...

– Еженедельную обязанность! – воскликнул он, приподнимаясь на локте. – Еженедельную обязанность! Это *так* ты об этом думаешь?

– А что, Хэл? – спросила она с некоторым удивлением. – Как еще я должна думать?

Простонав, он лег на спину и уставился в темноту.

– И что толку? – спросил он. – Зачем, для чего нам это надо? Девять лет мы женаты, детей у нас нет и никогда не будет. Я даже подавал прошение о разводе. Зачем же нам продолжать это исполнять, как паре роботов на тридц?

Мэри тихо ахнула на вдохе, и Хэл представил мелкие черты ее лица, искаженного ужасом.

Но она, видимо, сдержалась и сумела подавить свое возмущение:

– Мы должны, потому что должны. Что нам еще делать? Ты же не предлагаешь, чтобы...

– Нет-нет, – быстро ответил он, подумав, что произойдет, если она расскажет *gannu*. Остальное ему могло сойти с рук, но любой намек с ее стороны, что муж отказывается выполнять конкретную заповедь Предтечи... даже думать о таком он не смел. У него хотя бы есть престиж университетского учителя, *нука* какой-то площади и шанс на продвижение. Но не в том случае, если он...

– Да нет, конечно, – сказал он. – Я знаю, что мы должны стараться завести детей, даже если кажется, что это безнадежно.

– Врачи говорят, что ничего физически неверного ни с кем из нас не происходит, – сказала она уже в тысячный раз за последние пять лет. – Значит, кто-то из нас злоумышляет против реальности, отказывая своему телу в его истинном будущем. И я знаю, что это не могу быть я. Не могу!

– Темная сторона личности искусно скрывает свой мрак от светлой стороны, – процитировал Хэл «Западный талмуд». – Уклонист внутри нас заставляет нас спотыкаться, и нам то не ведомо.

Ничто не могло вывести из себя постоянно цитирующую заповеди Мэри так, как обращение Хэла к тому же оружию. Но сейчас она разразилась не тирадой, а слезами:

– Хэл, мне страшно! Понимаешь ли ты, что еще год – и наше время кончится? И тогда мы предстанем перед уззитами для нового испытания? И если не пройдем его, если они выяснят, что один из нас отказывает в будущем нашим детям... они ясно дали понять, что тогда будет!

Искусственное осеменение от постороннего донора есть прелюбодеяние! Клонирование же запрещено Сигменом, ибо оно есть мерзость пред светлым ликом Его!

Впервые за вечер Хэл ей посочувствовал. Ему был знаком этот ужас, – ужас, от которого Мэри дрожала так, что тряслась кровать.

Но никак нельзя допустить, чтобы она про это узнала. Тогда она рассыплется в мелкие осколки, как бывало уже не раз. И ему придется всю ночь собирать их, кое-как составляя облик прежней Мэри.

– Думаю, ты слишком сгущаешь краски, – сказал он. – В конце концов, мы весьма уважаемые и востребованные профессионалы. Не станут же они напрасно тратить наше образование и способности, отправляя нас к Ч. Я думаю, если ты не забеременеешь, то нам непременно продлят срок. В конце концов, у них есть и прецедент, и полномочия. Сам Предтеча сказал, что каждый случай должен рассматриваться в контексте, и не следует судить всех по абсолютному правилу. А мы...

– И часто рассматривают *случай в контексте*? – пронзительно заверещала она. – Часто? Ты не хуже меня знаешь, что абсолютное правило применяется *всегда*!

– Ничего подобного я не знаю, – его тон был мягким, успокаивающим. – Неужели ты так наивна? Если во всем слепо верить правдовещателям... Но я слышал кое-что насчет иерархии. Я знаю, что кровное родство, дружба, престиж, богатство или полезность для Церства иногда могут смягчить правила.

Мэри села в постели.

– Хочешь сказать, что уриелитов можно подкупить? – спросила она потрясенно.

– Никогда и никому я этого не скажу, – возразил он. – И поклянусь отрубленной рукой Сигмена, что не допускаю ни малейшего намека на подобную мерзкую нереальность. Я лишь хочу сказать, что полезность для Церства иногда выливается в амнистию или во второй шанс.

– Кого ты знаешь, кто мог бы нам помочь? – спросила Мэри, и Хэл улыбнулся в темноте. Пусть Мэри и потрясена его откровенностью, но она практична и без колебаний воспользуется любым средством, чтобы выпутаться из сложной ситуации.

Несколько минут длилось молчание. Мэри дышала тяжело, как загнанный в угол зверь. Наконец Хэл сказал:

– Ну, на самом-то деле я не знаю никого настолько влиятельного... кроме, пожалуй, Ольвегссена. Это он делает замечания о моем М.Р.

– Видишь! Опять М. Р.! Если бы ты только постарался, Хэл...

– Если бы ты с такой прытью не бежала всякий раз к *гангиту*, – ответил он с горечью.

– Хэл, я ничего не могу сделать, если ты так легко миришься с нереальностью! Мне самой не нравится то, что приходится делать, но это мой долг! Ты опять же виновен в несправедности, укоряя меня за то, что я должна сделать. Еще одна черная отметка...

– ... которую ты вынуждена будешь передать *гангиту*. Знаю, знаю. Давай не будем к этому возвращаться в десятитысячный раз.

– Но ведь *ты* свернул разговор на эту тему, – ответила она с праведным возмущением.

– Кажется, у нас это единственная тема для разговоров.

Она резко втянула воздух, потом сказала:

– Так было не всегда.

– Да, в первый год брака. А с тех пор...

– И чья это вина? – всхлипнула она.

– Хороший вопрос. Но не думаю, что нам стоит углубляться... Можно поскользнуться.

– В каком смысле?

– Не желаю это обсуждать.

Хэл сам дивился своим словам. Что он имел в виду? Это не обычная дежурная фраза, а нечто, вырвавшееся из самой глубины его существа. Или это Уклонист, окопавшийся глубоко *внутри*, заставил его такое сказать?

– Давай уже спать, – сказал он. – «Завтра» меняет лицо реальности.

– Но сначала... – начала она.

– Сначала – что? – устало ответил он.

– Не изображай, будто все *шиб*, – сказала она. – То, с чего все началось. Твоя попытка отложить... собственный долг.

– Долг, – сказал Хэл. – *Шибный* поступок. Да, конечно.

– Вот опять! Я не хочу, чтобы ты это делал потому, что должен. Я хочу, чтобы ты это сделал, потому что любишь меня, как тебе и надлежит! И еще потому, что *хочешь* меня любить.

– Мне положено любить все человечество, – возразил Хэл. – Однако же мне строжайше запрещено выполнять свой долг с кем бы то ни было, кроме реалистично привязанной ко мне жены.

Мэри была так ошеломлена, что поперхнулась нерожденной фразой и молча повернулась к нему спиной. Но он потянулся к ней, осознавая, что дело не только в том, чтобы наказать себя и ее, но и в том, чтобы выполнить свой долг. С этого момента, от первой ритуальной фразы, было ритуализовано все дальнейшее. На сей раз, в отличие от некоторых прошлых случаев, все выполнялось шаг за шагом, все слова и действия, точь-в-точь как указал Предтеча в «Западном Талмуде». Кроме одной незначительной детали: он все еще был в дневной одежде. Но это, решил он, может быть прощено, ибо не буква, но дух важен, и какая разница, в уличной ли он одежде или в пижаме?

Мэри если и заметила ошибку, то ничего о ней не сказала.

Глава третья

Потом, лежа на спине и тараща глаза в темноту, Хэл думал, как и много раз до того: что же это такое, что разрезало ему живот будто широким длинным лезвием, отделив нижнюю часть от верхней? Он был возбужден – по крайней мере, в начале. В смысле, понимал, что возбужден, раз сердце бьется быстро и дыхание тяжелое. И при этом он ничего не чувствовал по-настоящему. И когда наступил тот самый момент – который Предтеча называл генерацией потенциальности, исполнением и актуализацией реальности – он ощутил лишь механическую реакцию. Тело послушно выполняло все предписанные ему функции, но никакого восторга, столь живо описанного Предтечей, не было. Зоной бесчувственности, зоной заморозки нервов, стальной пластиной он был перерезан пополам и не чувствовал ничего, кроме подергиваний тела, будто электрической иглой стимулировали нервы и ею же лишали их чувствительности.

А ведь это неправильно, говорил он себе. Неужели? Может ли быть, чтобы Предтеча ошибался? В конце концов, Предтеча – человек, превосходящий все остальное человечество. Вполне возможно, что у него был дар испытывать такие исключительные реакции, и он не понимал, что остальному человечеству не настолько повезло.

Но нет, этого не может быть, если на самом деле – и да сгинет противная мысль! – Предтеча видел насквозь мысли каждого отдельного человека.

Значит, чего-то не хватает у самого Хэла, у него, одного-единственного из всех учеников Реального Церства.

Одного ли?

Он никогда ни с кем не обсуждал свои чувства. Поступить так – невозможно, немисливо. Непристойно, нереалистично. Учителя никогда не говорили ему, что эти вопросы обсуждать нельзя, да и не надо было говорить: Хэл прекрасно все понимал.

Да, Предтеча описал, какие реакции должны были возникнуть у него.

Словами, не допускающими иного толкования?

Когда Хэл задумывался над тем разделом «Западного Талмуда», который полагалось читать лишь помолвленными и семейным парам, он видел, что Предтеча не удосужился внятно описать физическое состояние супругов. Он выражался поэтически (Хэл знал слово «поэтический», потому что в качестве лингвиста имел доступ к различным литературным произведениям, для многих других – запретным), метафорически, и даже метафизически. Если как следует проанализировать эти корректные термины, получается «не слишком связанное с реальностью».

Прости, Предтеча, подумал Хэл. Я хотел сказать, что твои слова не были научным описанием электрохимических процессов в нервной системе человека. Конечно же, они имеют отношение к более высокому уровню, потому что реальность располагает множеством плоскостей для различных явлений.

Субреалистическая, реалистическая, псевдореалистическая, сюрреалистическая, реалистическая, ретрореалистическая.

Не время для теологии, подумал он. Не желаю снова превращать мозг в воронку, как бывало много раз в течение бесчисленных бессонных ночей из-за неразрешимого и безответного. Предтеча знал, я же наверняка знать не могу.

Он знал лишь одно: что не попадал в фазу с мировой линией, и сейчас – нет, и, возможно, никогда не попадет. Каждый момент бодрствования он балансирует на грани нереальности. И это нехорошо – он достанется Уклонисту, падет в руки Зла, погибшего брата Предтечи...

Хэл Ярроу проснулся внезапно, от прозвучавшего в *пике* зова утренней трубы. В первый миг он ничего не понял, мир сна густо смешался с миром бодрствования.

Потом он скатился с кровати и встал, глядя на Мэри. Она, как всегда, проспала первый сигнал, хотя и очень громкий, потому что он звучал не для нее. Через пятнадцать минут раздается второй взрыв трубного сигнала на тридэ – для женщин. К тому времени он непременно должен быть умытым, выбритым, одетым и находиться в пути. У Мэри будет пятнадцать минут, чтобы подготовиться к выходу. Через десять минут вернется с ночной работы семья Олафа Маркони – спать и жить в этом узком мирке, пока не вернутся с работы Ярроу.

Хэл действовал даже быстрее обычного, потому что все еще был в уличной одежде. Он облегчился, умыл лицо и руки, намазал щетину кремом, стер выпавшие волосы (когда-нибудь, если он достигнет ранга иерарха, отпустит пышную бороду, как у Сигмена), причесался и вышел из неназываемой.

Уложив в портфель полученные накануне письма, он двинулся к двери. Потом, ведомый неожиданным и неанализируемым чувством, он повернулся, подошел к кровати и наклонился поцеловать Мэри. Она не проснулась, и ему стало жаль – на секунду: она ведь не знала, что он сейчас сделал. Это не было долгом, не было требованием. Порыв, пришедший откуда-то из темных глубин, где тоже, наверное, есть свет. Зачем он это сделал? Вчера вечером он думал, что ненавидит ее. А сейчас...

Она так же не может не делать того, что делает, как и он. Да, этому, конечно, нет оправдания. Каждая личность отвечает за свою судьбу, и если с личностью происходит что-то хорошее или плохое, то виновна в этом лишь она сама.

Он скорректировал свою мысль. Они с Мэри – единственные генераторы собственных несчастий, да, но не осознанные! Светлая сторона их личностей не желает разрушения их любви, это происки темной стороны, где таится наводящий ужас Уклонист.

Стоя в дверях, он увидел, как Мэри открывает глаза и смотрит на него, не до конца проснувшись. Он не вернулся, чтобы поцеловать ее, а быстро шагнул в коридор. В панике от мысли, что она может позвать его обратно и вновь затеять эту жуткую, изматывающую нервы сцену. Потом до него дошло: он так и не выбрал подходящего момента сказать Мэри, что как раз сегодня едет на Таити. Ладно, одной сценой меньше.

В это время коридор уже заполнили идущие на работу мужчины. Многие, как Хэл, были одеты в свободные пледы профессионалов, другие – в зеленое и алое университетских учителей. Естественно, Хэл здоровался с каждым.

- Доброго будущего, Эрикссен!
- Да улыбнется тебе Сигмен, Ярроу!
- Светлым ли был твой сон, Чанг?
- *Шиб*, Ярроу! Прямоком от самой истины.
- Шалом Казимиру!
- Да улыбнется тебе Сигмен, Ярроу!

Хэл остановился у дверей лифта, где хранитель, утренний дежурный этого уровня, из-за большого скопления народа организовывал приоритеты спуска. Выйдя из башни, Хэл пошел по полосам транспортеров в сторону увеличения скорости, пока не дошел до экспресса – средней ленты. Здесь он встал, стиснутый чужими телами, но напряжения не испытывал, поскольку они были одного с ним класса. Десять минут езды, и он начал пробираться через толпу, шагая с ленты на ленту. Еще через пять минут он вышел на тротуар и вошел в пещероподобный вход *пали* № 16 – Университета Сигмен-Сити.

Внутри пришлось подождать, хотя и недолго, пока хранитель впустит его в лифт. Потом его экспрессом понесло прямоком на тридцатый уровень. Обычно он, выходя из лифта, сразу же шел к себе в офис – читать первую за день лекцию, курс для студентов, который транслировался по тридэ. Сегодня же Хэл направился в офис декана.

По дороге, мечтая о сигарете и зная, что в присутствии Ольвегссена курить строго запрещено, он остановился закурить и вдохнул с наслаждением женьшеневый дым. Он стоял возле

двери начального класса лингвистики, прислушиваясь к обрывкам лекции Кеони Джерах-миила Расмуссена.

– «*Пука*» и «*пали*» изначально были словами первобытных полинезийских обитателей Гавайских островов. Англоязычные колонизаторы, завладевшие островами впоследствии, переняли множество терминов из гавайского языка. В числе самых популярных были «пука» – что означает дыру, туннель, пещеру, и «пали» – обрыв, утес.

– Когда после войны Апокалипсиса гавае-американцы вновь населили Северную Америку, эти два слова все еще использовались в исходном смысле. Но лет пятьдесят назад они немного изменили первоначальные значения. *Пукой* стали называть небольшую квартирку, отведенную для представителей низшего класса, – словцо с явственным пренебрежительным оттенком. Позже термин распространился и на более высокие классы. Однако, если ты иерарх, то ты живешь в *квартире*, если же твоя квалификация ниже классом, то – в *пуке*.

Пали, что означает «утес», стало применяться к небоскрегам или ко всем большим зданиям. В отличие от *пуки*, это слово сохранило и первоначальное свое значение.

Хэл докурил, бросил окурочек в пепельницу и направился в офис декана. Доктор Боб Каф-зиэль Ольвегссен сидел за письменным столом.

Естественно, что первым заговорил Ольвегссен – как старший. В его речи слышался легкий исландский акцент.

– Алоха, Ярроу. И что это вы тут делаете?

– Шалом, *авва*. Прошу прощения, что появляюсь перед вами, не будучи зван. Но до отъезда мне необходимо прояснить несколько вопросов.

Ольвегссен нахмурился. Он был седовласым мужчиной зрелого возраста, около семидесяти.

– До какого отъезда?

Хэл вынул из портфеля письмо и подал Ольвегссену.

– Конечно, вы можете и позже сами его проработать. Но я хотел бы сберечь ваше драгоценное время, сообщив, что это новый приказ на проведение лингвистического исследования.

– Так вы же только что вернулись из такой же поездки! – произнес Ольвегссен. – И как мне управлять этим колледжем к вящей славе Церства, если у меня постоянно выхватывают сотрудников, посылая их во все концы света?

– Но не станете же вы критиковать действия уриелитов? – спросил Хэл не без зловещей нотки в голосе.

Он не любил своего начальника, как ни пытался превозмочь столь нереалистичный образ мыслей.

– Грр-хм! Нет, конечно! Я не способен на такие действия, и с возмущением отвергаю ваши инсинуации, будто это не так!

– Прошу прощения, *авва*, – ответил Хэл. – У меня даже и в мыслях не было намекать на подобное.

– Когда вам предстоит уезжать? – спросил Ольвегссен.

– Первой каретой. Которая, насколько я знаю, взлетает через час.

– А вернетесь?

– Одному лишь Сигмену известно. Когда будет закончено исследование и сдан отчет.

– Доложитесь мне сразу же, как только вернетесь.

– Снова прошу у вас прощения, но увы, не смогу. Мой М. Р. к тому времени давно устареет, и я буду вынужден выяснить этот вопрос прежде всех других действий. На это может уйти несколько часов.

Ольвегссен помрачнел.

– Да, кстати, насчет вашего М. Р. Последнее время у вас не все обстоит благополучно, Ярроу. Надеюсь, что дальше вы продемонстрируете хоть какие-то улучшения. В противном случае...

Хэл вдруг ощутил жар во всем теле, и ноги стали подкашиваться.

– Да, *авва*?

Собственный голос прозвучал слабо, издалека. Ольвегсен сложил ладони домиком и посмотрел поверх него на Ярроу.

– Мне очень жаль, но я буду вынужден предпринять соответствующие действия. Я не могу держать в своем штате человека с низким М. Р. Боюсь, что мне придется...

– Что сделать, *авва*?

Хэл старался придерживаться нейтрального тона, но у него сдавило горло.

– Весьма опасаясь, что не смогу даже позволить себе просто понизить вас до учителя средних классов. Мне бы хотелось быть милосердным, но в вашем случае милосердие может обернуться продвижением нереальности. Даже сама возможность подобного – недопустима. Нет...

Хэл выругал себя за неспособность сдержать дрожь.

– Да, *авва*?

– Увы, увы, мне придется просить уззитов заняться вашим случаем.

– Нет! – громко произнес Хэл.

– Да, – ответил Ольвегсен, все так же поверх сложенных домиком рук. – Это причинит мне боль, но в противном случае это было бы не *шиб*. Если я не обращусь к их помощи, не будут реалистичными мои сны.

Он разнял руки, повернулся вместе с креслом грузным профилем к Хэлу и добавил:

– Однако ведь пока что нет ни малейшей причины для принятия столь тяжелого решения, не так ли? В конце концов, вы и только вы ответственны за все, что с вами происходит – следовательно, вам некого винить, кроме себя самого.

– Сие нам открыл Предтеча, – ответил Хэл. – Я сделаю все возможное, чтобы не причинять вам страданий, *авва*. И чтобы у моего *ганпта* не было причин давать мне низкий М.Р.

– Очень хорошо, – ответил Ольвегсен таким тоном, будто ни капельки ему не поверил. – Не стану задерживать вас чтением вашего письма, поскольку у меня в почте должен быть дубликат. Алоха, сын мой, и добрых вам сновидений.

– Да пребудет с вами реальность, *авва*, – ответил Хэл, повернулся и вышел.

В дымке стусившегося ужаса он едва ли осознавал, что делает. Машинально доехал до порта и прошел процедуру получения приоритета на поездку. Даже сидя в карете, он никак не мог собраться с мыслями.

Через полчаса он вышел в порту Л-А и пошел в кассу – подтвердить место в карете на Таити.

Когда он стоял в очереди, кто-то похлопал его сзади по плечу. Он вздрогнул, потом обернулся...

И сердце в груди заколотилось так, будто рвалось наружу.

Перед ним стоял широкоплечий, приземистый, тучный человек в свободном угольно-черном мундире. На голове – блестящая остроконечная черная шляпа с узкими полями, а на груди – серебряный контур ангела Уззы.

Он наклонился прочитать ивритские цифры на нижнем краю крылатой ноги, изображенной на груди Хэла, потом сверился с бумагой, которую держал в руке.

– Вы Хэл Ярроу. *Шиб*, – сказал уззит. – Пройдемте со мной.

Позже, вспоминая произошедшее, Хэл подумал, что самым странным во всем этом деле было отсутствие ужаса. Не то чтобы он совсем не испугался – просто страх был оттеснен куда-то на край сознания, а главенствующая часть его личности занялась изучением ситуации и

тем, как из нее выбраться. Растерянность, недоумение, наполнившие его во время беседы с Ольвегссеном и не оставлявшие долго после этого, будто растаяли. Осталось хладнокровие, разум приобрел приятную остроту, мир стал ясным и прочным.

Может быть, так случилось, потому что угроза Ольвегссена была далекой и туманной, а перспектива ареста уззитами – непосредственной и определенно опасной.

Его отвели к небольшой машине, стоявшей на пяточке рядом со зданием кассы, приказали сесть в нее. Взявший его уззит тоже сел и набрал на пульте координаты места назначения. Машина поднялась вертикально, взлетев метров на пятьсот, и рванулась, гудя сиренами, к своей цели. Хэл, хотя ему было не до смеха, не мог не отметить, что за последнюю тысячу лет поведение копов не претерпело ни малейших изменений. Никакой особенной срочности нет, но слугам закона непременно подавай шум и гам.

Две минуты спустя машина влетела в порт какого-то здания на двадцатом уровне. Уззит, не сказавший после той первой фразы ни слова, жестом велел ему выйти. Хэл тоже ничего не говорил – без толку.

Они прошли по пандусу, потом по многим коридорам, заполненным спешащими людьми. Хэл старался идти прямо – на всякий случай, вдруг да получится удрать отсюда. Он знал, что думать о побеге смешно, что ему не скрыться. И вообще не было никаких причин думать, что он окажется в ситуации, когда бегство – единственный выход.

То есть он надеялся, что таких причин нет.

Наконец уззит остановился перед офисной дверью без какой-либо таблички с информацией, приложил к стальному табло большой палец, и Хэл вошел первым. Он оказался в приемной, за столом сидела секретарша.

– Докладывает ангел Паттерсон, – сказал уззит. – Со мной Хэл Ярроу, Профессионал ЛИН-56327.

Секретарша повторила информацию в микрофон, и со стены прозвучал голос, велевший их пропустить.

Хэл вошел первым.

Он оказался в помещении, по его меркам достаточно большом – больше классной комнаты или даже целой *пуки* в Сигмен-Сити. В дальнем углу стоял большой письменный стол в форме полумесяца с острыми рогами. За столом расположился человек, при виде которого хладнокровие Хэла дало трещину. Он подсознательно ожидал увидеть *гангста* высокого ранга – человека в черной одежде и в конической шляпе.

Но этот человек не был уззитом. Он был одет в просторные пурпурные одежды, голову укрывал столь же широкий капюшон, а на груди сияла большая золотая ивритская буква Л – *ламед*. И борода!

Это был высочайший из высших – уриелит. Хэл видел таких людей не более десяти раз в своей жизни, и лишь единожды – во плоти.

Великий Сигмен, что же я такого натворил? – подумал он. – *Я обречен, обречен!*

Уриелит был очень высоким – почти на полголовы выше Хэла. Длинное неприятное лицо с выступающими скулами, длинный, узкий, крючковатый нос, тонкие губы и светло-синие глаза с едва заметной внутренней складкой, указывающей на монголоидный тип.

Уззит, стоящий позади Хэла, очень тихо сказал:

– Ярроу, стоять! Смирно! Все команды сандалфона Макнеффа выполнять немедленно и без лишних движений.

Хэл, даже не думавший послушаться, кивнул.

Макнефф смотрел на Ярроу не меньше минуты, поглаживая густую русую бороду. И когда Хэл покрылся пленкой пота и мелко завибрировал, не в силах унять дрожь ужаса, Макнефф заговорил – неожиданно низким для человека с такой тонкой шеей голосом.

– Ярроу, как бы вы хотели уйти из этой жизни?

Глава четвертая

Потом у Хэла было достаточно времени, чтобы возблагодарить Сигмена за то, что не последовал первому побуждению.

Он не застыл от ужаса, а подумал быстро повернуться и напасть на уззита. У ангела хотя и не видно было никакого оружия, наверняка имелся пистолет – в кобуре под мантией. Если удастся его отключить и схватить оружие, Макнеффа можно будет взять в заложники. Прикрываясь им, сбежать...

Куда?

Он понятия не имел. В Израиль? В Малайскую Федерацию? И то, и другое государство очень далеко, хотя расстояние мало что значит, если удастся похитить или захватить корабль. И даже если все пройдет гладко, то шансы миновать противоракетные станции стремятся к нулю. Если только каким-то образом не обмануть охрану, а для этого он слишком мало знал о военных кодах.

Пока он прикидывал возможности, первое, паническое побуждение остыло. Более разумно будет ждать, пока он выяснит, в чем его обвиняют. Может быть, он сможет доказать свою невиновность.

Тонкие губы Макнеффа чуть изогнулись в улыбке, – Хэлу довелось повидать тысячи подобных улыбок.

– Это хорошо, Ярроу.

Хэл не знал, является ли эта фраза приглашением говорить, но решил рискнуть, надеясь, что не оскорбит уриелита.

– Что хорошо, сандалфон?

– Что вы покраснели, а не побледнели. Мне дано читать в людских умах, Ярроу. Я вижу человека насквозь уже через пятнадцать секунд после того, как мне его представили. И я вижу, что вы не готовы были упасть в обморок от ужаса, как случилось бы со многими, услышь они столь суровые слова. Вы же вспыхнули горячей кровью, выдающей высокий уровень агрессивности. Вы готовы отрицать, спорить, возражать на все мои аргументы.

– Конечно, некоторые могли бы сказать, что это вовсе не желательная реакция, что ваша позиция ложная, что она склоняется к нереальности.

– Но «что есть реальность?» – спрошу я. Именно этот вопрос черный брат Предтечи предложил в великом споре. И ответ все тот же: что это знает лишь реальный человек.

– Я – реален. Иначе бы я не был сандалфоном. *Шиб?*

Хэл, стараясь умерить свое дыхание, кивнул. Он думал, что не так уж хорошо читает в умах Макнефф, раз ничего не сказал о первом побуждении Хэла прибегнуть к насилию.

Или же Макнефф все знал, но у него хватило мудрости простить?

– Когда я спросил, как бы вы хотели покинуть эту жизнь, – сказал Макнефф, – я вовсе не подразумевал, что вы обречены Ч.

Он слегка нахмурился и продолжал:

– Хотя ваш М.Р. и наводит на мысль, что, если продолжите держаться на том же уровне, можете скоро оказаться там. Тем не менее я уверен, что, если вы добровольно вызоветесь на то, что я предлагаю, очень скоро вы изменитесь. Вы пребудете в тесном контакте с людьми *шиб*, их влияния вам не избежать. «Реальность порождает реальность» – так говорил Сигмен.

– Однако я, быть может, тороплю события. Первым делом вы должны поклясться на этой книге, – он взял со стола экземпляр «Западного Талмуда», – что ничего из сказанного в этой комнате не будет раскрыто никому и ни при каких обстоятельствах. Если попытаетесь предать Церство – умрете мучительной смертью.

Хэл положил на книгу левую руку (Сигмен действовал левой рукой, потому что рано потерял правую) и поклялся именем Предтечи и всеми уровнями реальности, что уста его будут запечатаны навечно. Иначе да будет он во веки веков лишен надежды лицезреть однажды Предтечу лицом к лицу и править когда-нибудь собственной вселенной.

И, произнося клятву, он чувствовал вину за то, что думал нанести удар уззиту и применить силу к сандалфону. Как же мог он так внезапно поддаться темной стороне? Макнефф – живой представитель Сигмена, пока сам Сигмен странствует в пространстве и времени, готовя светлое будущее своим ученикам. Отказ хоть в малейшей степени повиноваться Макнеффу был ударом в лицо Предтечи, а это такой ужас, что сама мысль о нем невыносима!

Макнефф отложил книгу и сказал:

– Прежде всего должен вам заявить, что приказ исследовать слово «уоггл» на Таити был ошибкой. Вероятно, некоторые департаменты уззитов не были скоординированы должным образом. Причина ошибки в данный момент расследуется, и будут приняты эффективные меры, чтобы подобное в дальнейшем не повторялось.

Стоящий позади Хэла уззит вздохнул, и Хэлу стало ясно, что не он один в этой комнате способен испытывать страх.

– Один из членов иерархии, проглядывая доклады, заметил, что вы подавали прошение на посещение Таити. Зная, насколько высокий рейтинг безопасности имеет этот остров, он изучил вопрос, и в результате мы смогли вас перехватить. И я, ознакомившись с вашим досье, заключил, что вы можете оказаться именно тем человеком, который нам нужен на корабле для занятия определенной должности.

Макнефф теперь расхаживал за своим огромным столом туда-сюда, сцепив за спиной руки, и чуть наклонившись вперед. Хэл заметил, как бледна его желтоватая кожа – точь-в-точь как слоновый бивень, который Хэл видел однажды в музее вымерших животных. Лиловый капюшон лишь подчеркивал эту желтизну.

– Вас попросят стать добровольцем, – говорил Макнефф, – потому что нам на борту этого корабля нужны лишь беззаветно преданные общему делу. Тем не менее я надеюсь, что вы присоединитесь к нам, потому что мне весьма тревожно оставлять на Земле любого гражданского, знающего что-либо о существовании и предназначении «Гавриила». Не то чтобы я сомневался в вашей лояльности, но израильские шпионы весьма хитроумны и способны хитростью выманить у вас известные вам сведения. Или похитить вас и заставить говорить под наркотиками. Они ведь преданные ученики Уклониста, эти израильтяне.

Хэл подумал, с чего бы это употребление наркотиков израильтянами было так нереалистично, а Гавайским Союзом – вполне *шиб*, но тотчас забыл об этом, услышав следующие слова:

– Сто лет назад первый межзвездный корабль Союза полетел к Альфе Центавра. Примерно в то же время стартовал израильский корабль. Оба вернулись через двадцать лет и доложили, что обитаемых планет не нашли. Вторая экспедиция Союза вернулась через десять лет после того, а через двадцать – вторая израильская. Ни одна не нашла планет, которые могло бы колонизовать человечество.

– Я не знал этого, – вполголоса сказал Ярроу.

– Оба правительства смогли утаить этот секрет от своих народов, но не друг от друга, – продолжал Макнефф. – Израильтяне, насколько нам известно, более не посылали межзвездных кораблей: средства и время, нужные для этого, измеряются поистине астрономическими цифрами. Но мы послали третий корабль, что был куда меньше и быстрее первых двух. За прошедшие сто лет мы много узнали о межзвездных двигателях, и это все, что я могу вам о них сказать.

– Итак, третий корабль вернулся несколько лет назад и сообщил...

– Что обнаружил планету, на которой могут жить люди, и которая уже населена разумными существами! – перебил Хэл, забыв в порыве энтузиазма, что ему велели помалкивать.

Макнефф остановился на ходу и впился в Хэла светло-голубыми глазами:

– Откуда вы знаете? – резко спросил он.

– Простите, сандалфон, – ответил Хэл, – но это было неизбежно! Разве не предсказал Предтеча в «Линии времени и мира», что таковая планета будет найдена? Уверен, что именно это сказано на странице семьдесят три!

Макнефф улыбнулся:

– Я рад, что уроки Писания столь прочно запечатлелись в вашем сознании.

«Но могло ли быть иначе?» – подумал Хэл. К тому же запечатлелись не только они. Порнсен, мой *ганнт*, порол меня, когда я недостаточно хорошо учил уроки. Он здорово умел запечатлевать, этот Порнсен. Умел? Или умеет? Я рос и продвигался, и он тоже, и всегда был там, где я. Он был моим *ганнтом* в яслях. Был *ганнтом* спальни, когда я пошел в колледж и думал, что уж теперь-то избавился от него. Сейчас же он *ганнт* моего блока. Это из-за него у меня такие низкие цифры М.Р.

И тут же последовало рефлекторное возражение. Нет, не он, а я и только я отвечаю за все, что происходит со мной. Если я получаю низкий М.Р., то это потому, что мне так хочется – моей темной стороне. Если я умру, значит, на то была моя воля. Да простит мне Сигмен такие помышления против реальности!

– Еще раз прошу у вас прощения, сандалфон, – сказал Хэл. – Но нашла ли экспедиция какие-либо записи о том, что на той планете был Предтеча? Быть может, даже, – хотя слишком многого не следует желать, – самого Предтечу?

– Нет, – ответил Макнефф. – Хотя это не значит, что таких записей там не могло быть. Экспедиция имела приказ ознакомиться с условиями тамошней жизни и как можно скорее вернуться на Землю. Не могу назвать расстояние в световых годах или какая это была звезда, хотя в нашем полушарии ее можно видеть ночью невооруженным глазом. Если вызоветесь добровольцем, вам будет сказано, куда вы летите, после старта корабля. А стартует он очень скоро.

– Вам нужен лингвист? – спросил Хэл.

– Корабль огромен, – ответил Макнефф. – Но необходимое число военных и специалистов ограничивает количество лингвистов одним человеком. Мы рассмотрели нескольких ваших профессионалов, ибо они – носители ламеда и вне подозрений. К сожалению...

Хэл ждал. Макнефф снова стал расхаживать позади стола, лицо его исказила недовольная гримаса. Потом он сказал:

– К сожалению, существует лишь один носитель ламеда – наврум, и он слишком стар для экспедиции. В силу этого...

– Тысяча извинений, – сказал Хэл. – Но я только что вспомнил кое-о-чем. Я женат.

– Это не проблема, – ответил Макнефф. – Женщин на «Гаврииле» не будет. И если человек женат, он автоматически получает развод.

– Развод? – задохнулся Хэл.

Макнефф воздел руки горе, изображая сожаление.

– Вы в ужасе, понимаю. Но мы, уриелиты, читая «Западный Талмуд», верим, что Предтеча, зная, что такая ситуация когда-то возникнет, дал свое на то разрешение и средства для развода. Он в этом случае неизбежен, ибо супружеская чета будет разлучена не менее чем на восемьдесят объективных лет. Разумеется, он изложил суть этих средств иносказательно. В своей великой и славной мудрости он знал, что наши враги израильтяне не должны иметь возможности прочесть и узнать о наших планах.

– Я вызываюсь добровольцем, – сказал Хэл. – Расскажите мне больше, сандалфон.

Шесть месяцев спустя Хэл Ярроу стоял в наблюдательном куполе «Гавриила» и смотрел, как уменьшается над головой земной шар. В этом полушарии была ночь, но в глаза бил яркий

свет от городов Австралии, Японии, Китая, Юго-Восточной Азии, Индии, Сибири. Хэл, лингвист, наблюдал не просто блестящие диски и ожерелья, а зоны языков, которыми пользуется население Земли. В Австралии, на Филиппинских островах, в Японии и северном Китае живут граждане Гавайского Союза, говорящие на американском.

Южный Китай, вся юго-восточная Азия, южная Индия и Цейлон – государства Малайской Федерации, где говорят на шукканском.

Мысли Хэла быстро обогнули земной шар, он представил себе Африку, где к югу от Сахарского моря все говорят на суахили. Пояс вокруг Средиземного моря, Малая Азия, северная Индия и Тибет – родной язык иврит. В южной Европе между Израильской Республикой и исландскоязычными народами северной Европы, расположилась узкая, но вместе с тем длинная полоса под названием Март – ничья земля, спорная территория между Гавайским Союзом и Израильской Республикой, потенциальный источник войны в последние двести лет. Ни одна из сторон не отказывалась от своих притязаний, но ни та ни другая не желала делать шаг, способный привести ко второй войне Апокалипсиса. Так что с любой практической точки зрения это была независимая страна с собственным правительством (хотя нигде за ее границей и не признанным). Ее граждане говорили на всех выживших языках мира, плюс еще на одном под названием «линг» – пиджин с вокабуляром, понадерганным из остальных шести, и грамматикой настолько простой, что она умещалась на половине листа бумаги.

Мысленно Хэл видел остальную Землю: Исландию, Гренландию, Карибские острова и восточную половину Южной Америки. Здесь люди говорили на языке Исландии, потому что этот остров опередил гавае-американцев, усердно населявших опустевшую Северную Америку и западную половину Южной после войны Апокалипсиса.

Еще была Северная Америка, где американский был родным языком для всех и каждого, кроме двадцати потомков франко-канадцев, живших в Заповеднике Гудзонова Залива.

Хэл знал, что когда эта сторона Земли войдет в ночную зону, Сигмен-Сити засияет миллионами огней. И где-то в этом огромном пятне света будет его квартира. Но Мэри недолго осталось там жить, потому что через несколько дней ее известят, что ее муж погиб – несчастный случай. Она будет украдкой плакать, он был в этом уверен, потому что она его любила по-своему, фригидной вымороченной любовью, хотя на людях глаза у нее останутся сухими. Ее подруги и знакомые по профессии будут ей сочувствовать – не потому что она потеряла мужа, а потому что была замужем за человеком, который мыслил нереалистично: если Хэл Ярроу погиб в катастрофе, значит, он *хотел*, чтобы так вышло. Понятия «несчастный случай» не существует. Каким-то образом все другие пассажиры (которые якобы погибли в этой паутине тщательно сработанных фальшивок, прикрывающих исчезновение персонала «Гавриила») одновременно «согласились» умереть. В силу этого они, выпавшие из благодати, не будут кремированы, их пепел не будет пущен по ветру в публичном обряде. Нет, пусть их тела пожрут рыбы, Церству на это наплевать.

Хэлу было жаль Мэри. Ему пришлось даже сдерживать слезы, стоя в толпе в наблюдательном куполе.

И все же, сказал он себе, это к лучшему. Они с Мэри не будут больше терзать и мучить друг друга, взаимная пытка кончится. Мэри снова может выйти замуж, понятия не имея, что Церство тайно дало ей развод, и думая, что ее брак аннулировала смерть. У нее будет год, чтобы принять решение, выбрать себе пару из списка, предложенного ее *ганптом*. Может быть, психологические барьеры, мешавшие ей зачать ребенка от Хэла, падут. Может быть. Хэл сомневался, случится ли когда-нибудь такое событие. Мэри такая же ледышка ниже пояса, как и он. Какого бы кандидата ни выбрал ей для брака *ганпт*...

Ганпт. Порнсен. Никогда больше не видеть ему этой жирной морды, не слышать этого визгливого голоса...

– Хэл Ярроу! – прозвучало сзади.

Медленно, превращаясь в лед и одновременно будто кипятком ошпаренный, Хэл повернулся.

Ему улыбался приземистый человечек с мощной челюстью, толстыми губами, с выдающимся ястребиным носом и маленькими глазками. Из-под конической лазурной шляпы с узкими полями на черный складчатый воротник спадали тронутые сединой черные волосы. Лазурный пиджак с трудом налезал на торчащее пузо – Порнсен получал немало выговоров от своих начальников за постоянное переедание, – а на широком синем пояском ремне имелся металлический зажим для плети. Толстые ноги распирала лазурная штанина с вертикальной черной полосой на наружной и внутренней сторонах, уходящие в лазурные сапоги. Но ступни были такие крошечные, что казались забавно-карикатурными. На носке каждого сапога красовалось семиугольное зеркальце.

О происхождении этих зеркал в низших классах рассказывали похабные истории. Хэл когда-то слышал одну случайно и до сих пор краснел, вспоминая.

– Мой излюбленный подопечный, мой вечный овод! – визжал Порнсен. – Я понятия не имел, что ты участник этой славной экспедиции, но ведь мог бы знать! Кажется, мы с тобой связаны любовью. Сам Сигмен должен был это провидеть. Моя любовь тебе, подопечный мой!

– Да возлюбит и вас Сигмен, – сказал Хэл и закашлялся. – Как чудесно видеть здесь вашу многовозлюбленную особу! Я уж было думал, что мы никогда не увидимся.

Глава пятая

«Гавриил» лег на курс и с ускорением в одно «же» стал набирать полную скорость – 33,1 % от скорости света. Тем временем весь личный состав, кроме вахтенных, залег в подвесной модуль. Здесь этим людям предстояло провести много лет, и жизненные процессы их поддерживались автоматически. Через некоторое время вахтенный экипаж, проверив всю автоматику, присоединится к спящим. Все уйдут в анабиоз, а двигатели «Гавриила» выдадут такое гигантское ускорение, какого незамороженные тела не смогли бы выдержать. После достижения желаемой скорости автоматика отключит двигатель, и корабль, безмолвный, но отнюдь не пустой, устремится к звезде – цели своего путешествия.

Через много лет счетчик протонов, расположенный в носу корабля, определит, что звезда уже достаточно близко и пора начинать торможение.

И снова к кораблю будет приложена слишком большая сила, которую незамороженные тела не смогли бы перенести. Когда же скорость существенно снизится, двигатель перейдет к торможению с ускорением в одно «же», а часть экипажа будет автоматически выведена из анабиоза. Потом разбуженные разморозят остальных. И за оставшиеся полгода полета люди выполнят всю необходимую подготовку.

Хэл Ярроу был в числе последних, кому предстояло уйти в подвесной модуль, чтобы затем первыми выйти оттуда. Ему надо было изучить записи на сиддском – языке преобладающей нации Озанова. И с самого начала это задание оказалось трудным. Экспедиция, открывшая Озанов, сумела сопоставить пять тысяч сиддских слов с таким же количеством американских. Описание сиддского синтаксиса было весьма ограничено и, как выяснил Хэл, во многих случаях явно ошибочно.

Это открытие встревожило Хэла. Его обязанностью было составить школьный учебник и научить весь личный состав «Гавриила» говорить по-озановски. Но если он воспользуется тем немногим, что у него имелось, то будет учить своих учеников неправильно. Более того, исправить это впоследствии будет очень трудно.

Во-первых, органы речи у аборигенов Озанова отличаются от органов речи землян, и звуки, генерируемые ими, тоже непохожи на земные. Да, их можно воспроизвести приблизительно, но поймут ли озановцы такое приближение?

Другое препятствие – грамматическое строение сиддского языка. Например, система времен. В сиддском для указания будущего или прошлого вместо изменения глагола или использования частиц бралось полностью иное слово. Например, мужской одушевленный инфинитив дабрхумаксани-галу'ахай, означающий «жить», в совершенном виде заменялся «ксуупели'афо», а в будущем времени «маи'теипа». Точно так же во всех других временах каждый раз использовалось иное слово. Кроме того, в сиддском были не только привычные (для землянина) три рода – мужской, женский и средний, но еще и два дополнительных: неодушевленный и духовный. К счастью, гендер был флективен, хотя выражение его было затруднительно для любого, кому сиддский не был родным. Точно так же система указания гендера варьировалась по временам.

Прочие части речи – существительные, местоимения, прилагательные, наречия и союзы – подчинялись той же системе, что и глаголы. Дополнительную путаницу вносило то, что представители различных социальных слоев часто использовали разные слова для обозначения одного и того же.

Сиддское письмо можно было сравнить только с древнеяпонским. Алфавита как такового не было – были идеограммы, линии, в которых имели значение их длина, форма, а также углы между линиями. Каждую идеограмму сопровождали знаки, указывающие верную флексию для гендера.

Наедине с собой в своей крохотной учебной кабинке Хэл тихо ругался, поминая отрубленную десницу Сигмена.

Капитан первой экспедиции выбрал в качестве своей исследовательской базы континент озановских антиподов. Континент оказался населен туземцами, говорившими на самом трудном (для землянина) языке. Предпочти он другой континент, в северном полушарии, у него (точнее, у его лингвиста) был бы выбор из сорока различных языков, и некоторые были сравнительно просты по синтаксису и по краткости слов. Это, разумеется, верно, если принять за истину случайную выборку, которую взял лингвист.

Сиддо – массив суши в южном полушарии – был размером с Африку, правда, другой по форме, и отделялся от прочих участков суши десятью тысячами миль океана. Если экспедиционные геологи не ошиблись, Сиддо некогда был частью огромного суперконтинента, но отделился от него. И здесь эволюция пошла несколько иным путем. В то время как на суперконтиненте доминировали насекомые и их дальние родственники, эндоскелетные псевдочленистоногие, на этой массе суши весьма и весьма процветали млекопитающие. Хотя – Сигмен свидетель – насекомые изобиловали и тут.

Разумным видом на Абака'а'ту, северном массиве суши, еще пятьсот лет назад был жукувыркун. На Сиддо же это место было занято на удивление человекоподобным животным. Здесь *homo ozanov* развил цивилизацию до стадии, аналогичной древнему Египту или Вавилону. А потом почти все люди, цивилизованные или дикие, внезапно исчезли.

Это случилось всего за тысячу лет до того, как к их великому континенту причалил первый Колумб кувыркунов. К моменту открытия и два столетия после него кувыркуны считали, что эти автохтоны вымерли, но потом колонисты-кувыркуны стали проникать в джунгли и горы и там встретили небольшие группы гуманоидов. Те отступали в глушь, где прятались не хуже африканских пигмеев, когда люди еще не свели на нет тропические леса. Считалось, что этих особей примерно тысяча, максимум две, – рассеянных на площади в сто тысяч квадратных километров.

Кувыркуны отловили несколько образцов, оказавшихся самцами. Перед тем как выпустить дикарей обратно, кувыркуны выучили их языки. Также они попытались выяснить, почему гуманоиды исчезли так внезапно и загадочно. У информантов имелись объяснения, но довольно противоречивые и явно мифического происхождения. Они просто не знали, что происходило в действительности, хотя причина могла быть скрыта в их мифах. Некоторые объясняли катастрофу мором, насланным Великой Богиней, или Всематерью. Другие говорили, что она наслала орду демонов – стереть с лица земли свой народ, согрешивший против ее законов. В одном варианте мифа говорилось, что она встряхнула небесный свод, и звезды попадали на всех, кроме немногих избранных.

В любом случае Ярроу не располагал всей нужной для изучения информацией. У лингвиста первой экспедиции было всего восемь месяцев на сбор данных, и немалый отрезок этого времени ушел на обучение нескольких кувыркунов американскому языку – без этого даже начать было невозможно. Корабль оставался на Озанове десять месяцев, но первые два экипаж провел на борту, пока роботы собирали образцы атмосферы и биоты, проверяя безопасность внешних условий для землян, – чтобы они ничем не отравились и не были поражены внезапной болезнью.

Вопреки всем предосторожностям, двое умерли от укусов насекомых, один стал жертвой местного хищника, и половина личного состава была поражена весьма серьезной, но нефатальной болезнью. Ее вызвала местная бактерия, безобидная для аборигенов, но мутировавшая в организмах не-озановских пришельцев.

Из опасения, что могут случиться и другие болезни, и имея приказ вести наблюдения, а не тщательные исследования, капитан распорядился о возвращении домой. Личный состав

долго выдерживали в карантине на спутниковой станции, и только потом дали разрешение вернуться в родные пенаты. Лингвист экспедиции умер через несколько дней после приземления.

Параллельно со строительством второго корабля изготовили вакцину от этой болезни. Все прочие собранные бактерии и вирусы испытали сперва на животных, а потом на социальных отщепенцах, посланных к Ч. В результате были получены многочисленные вакцины, и некоторые вызвали у экипажа «Гавриила» болезненную реакцию.

По какой-то причине, известной лишь иерархии, капитан первого корабля был разжалован. Может быть, думал Хэл, за то, что не собрал образцы крови у аборигенов. Из того немногого, что он узнал, да и то лишь по слухам, кувыркуны просто отказались давать образцы своей крови. Может быть, это подозрительность гавайцев передалась кувыркунам. Когда земные ученые попросили предоставить им мертвые тела для вскрытия – естественно, с чисто научными целями, – кувыркуны опять же отказались. Все мертвые, заявили они, подлежат кремации, и пепел их развеивается над полями. Да, нередко трупы перед кремацией вскрывают местные врачи, но это осуществляется в рамках религиозного обычая и должно быть проделано ритуально. Причем только кувыркунским врачом-жрецом.

Капитан думал было похитить нескольких кувыркунов перед взлетом, но решил, что неразумно на этом этапе вызывать у них враждебные чувства к пришельцам. Он знал, что после его рапорта на Озанов пошлют другую экспедицию в корабле куда большем этого. И если биологи следующей экспедиции не смогут уговорить кувыркунов сдать кровь, вот тогда уже будет применена сила.

Пока строился «Гавриил», один лингвист из высшей лиги прочитал материалы и выслушал записи своего предшественника. Но он слишком много времени потратил на сравнения сиддского с живыми и мертвыми земными языками. Ему нужно было разрабатывать систему быстрого обучения экипажа сиддскому языку, а он вместо этого мечтательно лелеял свои учебные запросы. Может быть, поэтому его сейчас и не было на корабле – Хэл не получил никаких объяснений на сей счет.

Так что он ругался по-черному и гнул спину над работой, вслушивался в звуки сиддского языка и смотрел, какие кривые отображают их на осциллографе. Отрабатывал их воспроизведение собственными – уж никак не озановскими – языком, губами, нёбом и горлом. Составлял сиддско-американский словарь – существенный момент, которым почему-то пренебрег его предшественник.

К сожалению, к моменту, когда он или его товарищи по команде научатся свободно вести разговор на сиддском, носители языка уже вымрут.

Хэл работал полгода, еще долгое время после того, как все, кроме вахтенных, легли в гибернатор. Но что более всего доставало его в этом проекте – так это присутствие Порнсена. *Гант* и хотел бы лечь в глубокую заморозку, но ему нужно было бодрствовать для наблюдения за Хэлом, выправляя любое его нереалистичное поведение. Единственное, что утешало – Хэл не должен был разговаривать с Порнсеном, разве что по необходимости, а так – можно было отговориться срочностью работы. Но вскоре он стал уставать от работы и одиночества, а поговорить проще всего было с Порнсеном, так что никуда Хэл от него не мог деться.

И еще Хэл Ярроу был в числе первых, вышедших из гибернатора. Он знал, что провел там сорок лет, понимал это, но поверить никак не мог. Ничего ведь не изменилось в его облике или в облике его спутников. А единственным изменением вне корабля была многократно возросшая яркость звезды, к которой они летели.

В конце концов эта звезда засияла ярче всех прочих небесных тел. Потом стали видны кружащиеся вокруг нее планеты. Увеличивался и нависал на небе Озанов, четвертая от звезды планета. Размером приблизительно с Землю, он и издали выглядел совсем как Земля. «Гавриил» вышел на орбиту после введения данных в компьютер, и четырнадцать дней корабль

кружился вокруг планеты, ведя наблюдение как собственной аппаратурой, так и с запущенных в атмосферу зондов. Некоторые из них даже приземлились.

И наконец Макнефф велел капитану посадить «Гавриила».

Медленно, сжигая из-за своей массы чудовищное количество топлива, «Гавриил» опустился в атмосферу, направляясь к Сиддо, к столице, расположенной на центрально-восточном побережье. Он плавно, как снегопад, опустился на большом лугу в каком-то парке в сердце города. В парке? Парком был весь город: деревьев столько, что с воздуха казалось, будто в Сиддо живет лишь горстка народу, а не четверть миллиона. Зданий было немало, некоторые десятиэтажные, но расстояние между ними было столь значительно, что не создавалось впечатления жилого массива. Улицы были широкими, но заросли такой жесткой травой, что она противилась почти любому вытаптыванию. Лишь вблизи оживленной гавани Сиддо чем-то напоминал земной город. Здесь дома сбивались в кучу, воды практически не было видно между парусными кораблями и колесными пароходами.

«Гавриил» спускался, а тем временем собравшаяся внизу толпа бежала к границам луга. Колоссальная серая громада корабля опустилась на траву – и ее тут же стало неумолимо засасывать в почву. Сандалфон Макнефф приказал открыть главный порт. Потом, сопровождаемый Хэлом Ярроу, который должен был прийти ему на помощь, если сандалфон ошибется в обращении к встречающей делегации, Макнефф вышел на воздух первой пригодной для жизни планеты, открытой людьми Земли.

Как Колумб, подумал Хэл. И дальше будет так же?

Потом они обнаружили, что могучий корабль лег поперек двух подземных туннелей паровой железной дороги. Но опасности, что туннели рухнут, не возникло: они были пробиты в сплошной скале, и над каждым возвышалась шестиметровая масса сплошного камня да плюс к тому – двадцать метров земли. Более того, корабль оказался настолько длинным, что большая часть его веса легла на грунт вне туннелей. Когда это выяснилось, капитан решил, что «Гавриилу» следует оставаться на месте.

От зари до зари весь личный состав вращался среди туземцев, изучая как можно полнее их язык, обычаи, историю, биологию и прочее – данные, которые не смогла собрать первая экспедиция.

Чтобы кувыркуны не подумали, будто коварные пришельцы только и думают о том, чтобы получить образцы их крови, Хэл в первые шесть недель не поднимал этого вопроса. Тем временем он частенько беседовал – обычно в присутствии Порнсена – с туземцем по имени Фобо, одним из двух аборигенов, кто выучил американский и чуть-чуть исландский, когда тут побывала первая экспедиция. Хотя по-американски он знал не больше, чем Хэл по-сиддски, этого хватало, чтобы Хэл стремительно продвигался вперед в своих изысканиях. Иногда они довольно бегло разговаривали, хотя на примитивном уровне, на смеси двух языков.

Одним из предметов скрытого любопытства землян являлась технология Озанова. Логически рассуждая, бояться со стороны аборигенов было нечего. Насколько можно было судить, кувыркуны продвинулись в технологиях не дальше земного двадцатого столетия. Но людям хотелось подтверждения, что от них ничего не утаивают. Что, если кувыркуны скрывают оружие опустошительной силы, надеясь застать пришельцев врасплох?

Ракет и атомных боеголовок опасаться не приходилось – озановцы явно были еще не в состоянии их создать. Но они, судя по всему, весьма далеко продвинулись в биологии, и этого следовало бояться не меньше, чем термоядерного оружия. Более того, даже если болезнь не собирались использовать для нападения на землян, все равно она оставалась смертельной угрозой. Что для озановца – пустяк (за счет тысячелетиями выработанного иммунитета), для земного существа может означать быструю смерть.

Таким образом, главным правилом было – двигаться вперед медленно и осторожно. Выяснять все, что только можно. Собирать данные, сопоставлять, искать зависимости различных факторов, интерпретировать. Перед тем, как запустить «Проект «Озановоцид», следует убедиться наверняка, что возмездие невозможно. *Убедиться наверняка.*

Вот почему через четыре месяца после появления «Гавриила» на Сиддо двое предположительно дружественных (кувыркунам) человека направились в путешествие с двумя предположительно дружественными (людям) кувыркунами. Их вдохновляла мечта, лелеемая на планете Земля за сотни лет до того и за многие световые годы от Озанова.

Тронулись же они в путь на экипаже, для людей фантастическом.

Глава шестая

Мотор икнул, машина дернулась. Озановец, сидящий с правой стороны заднего сиденья, повернулся и что-то крикнул.

Хэл Ярроу обернулся к нему:

– Что? – И повторил по-сиддски: – Абхудаи'акху?

Фобо, сидевший позади Хэла, приблизил рот к уху землянина и перевел слова Зугу, хотя по-американски говорил с причудливым пронзительно-гулким акцентом:

– Зугу говорит и подчеркивает, что есть необходимо качать этот маленький рычаг от человека справа. Он будет давать... карбюратору... больше спирта.

Антенны на черепной коробке Фобо щекотали Хэлу уши. Он произнес слово-предложение из тридцати слогов, означавшее «Я тебе благодарен». В основе его лежал глагол, поставленный в настоящее мужское одушевленное время единственного числа первого лица. К глаголу присоединен был слог, указывающий свободу от обязательств со стороны как говорящего, так и слушающего, инфлектированное местоимение первого лица, еще один слог, указывающий, что говорящий признает слушающего более компетентным, нежели он сам, третьего лица мужское одушевленное местоимение единственного числа, и еще два слога, которые в порядке своего расположения классифицировали сложившуюся ситуацию как полуюмористическую. Будучи составленными в обратном порядке, они бы представили ситуацию в серьезном ключе.

– Что ты говорил? – крикнул Фобо, и Хэл пожал плечами.

До него дошло, что он забыл издать особый нёбный щелчок, отсутствие которого либо меняло смысл фразы, либо вообще делало ее бессмысленной. В любом случае у него не было ни времени, ни желания все повторять.

Он просто дернул дроссель, как велел Фобо. Для этого ему пришлось потянуться через своего *ганпта*, сидящего справа.

– Тысяча извинений! – рявкнул Хэл.

Порнсен не смотрел на него. Он сжал руками колени, да так, что костяшки пальцев побелели. Он, как и его подопечный, впервые имел дело с двигателем внутреннего сгорания. Его, в отличие от Хэла, изрядно пугал шум, дым, толчки и грохот, да и сама идея ехать на управляемом вручную наземном экипаже.

Хэл усмехнулся. Ему самому эта чудная машина нравилась – напоминала картинки земных автомобилей в исторических книгах, повествующих о втором десятилетии двадцатого века. Интересно было крутить неподатливый руль и ощущать, как тяжелое тело машины подчиняется его мышцам. Стук четырех цилиндров и вонь сгоревшего спирта вызывали в нем радостное ощущение. А тряская поездка развлекала – это было романтично, как выход в море на парусной лодке – что он тоже надеялся пережить до отлета с Озанова.

А еще, хотя в этом он себе не признался, ему приятно было все, что пугало Порнсена.

И тут вдруг приятное кончилось. Цилиндры задергались, разразились отрывистыми плевками, машина подпрыгнула и остановилась. Двое кувыркунов спрыгнули с бортов машины (дверей не было) и подняли капот. Хэл вышел за ними, Порнсен остался сидеть. Он вытащил из нагрудного кармана «Милостивого серафима» (если бы ангелы курили, они бы наверняка выбрали марку «Милостивый серафим»), клацнул зажигалкой и жадно затянулся сигаретой. Руки у него дрожали.

Хэл про себя отметил, что это у Порнсена уже четвертая после утренних молитв. Если Порнсен не поостережется, то превысит квоту, разрешенную даже *ганптам* первого класса. А это значит, что когда Хэл влипнет в очередные неприятности, он попросит *ганпта* помочь, напомнив ему... Нет! Таких мыслей, даже не высказанных вслух, следует стыдиться. Они опре-

деленно нереальны и относятся только к псевдобудущему. Он любит *ганпта* не меньше, чем *ганпт* любит его, и не должен планировать такое бессигменное поведение.

И все же, подумал он, если судить по тем затруднениям, в которые он с такой легкостью влипал, помощь от Порнсена не будет лишней.

Хэл встряхнул головой, избавляясь от подобных мыслей, и перегнулся через двигатель посмотреть, что там делает Зугу. А Зугу явно знал, что делать. И конечно, кому как не ему знать это – ему, изобретателю единственного – насколько было известно землянам – на Озанове экипажа, приводимого в действие двигателем внутреннего сгорания.

Зугу гаечным ключом открутил длинную узкую трубу от круглого стеклянного кожуха. Хэл вспомнил, что это гравитационная система подачи горючего. Из бака топливо подавалось в стеклянный кожух, служащий отстойником, откуда по топливопроводу спирт поступал уже на карбюратор.

– Возлюбленный сын, мы что же, целый день будем здесь торчать? – сурово спросил Порнсен.

Хотя на нем была маска и очки, выданные ему озановцами для защиты от ветра, губы кривились в недовольной гримасе. Очевидно было, что, если события не переменятся в лучшую сторону, *ганпт* подаст рапорт, неблагоприятный для подопечного.

Ганпт хотел подождать два дня, по истечении которых он сможет затребовать лодку. Путешествие к руинам заняло бы пятнадцать минут беззвучного и комфортабельного полета. Хэл возражал ему, что поездка окажется куда как ценнее с точки зрения шпионажа: в такой заросшей лесом местности наблюдение с воздуха почти ничего не даст. То, что начальство Порнсена с этим согласилось, настроения *ганпта* тоже не улучшило: куда направлялся его подопечный, неизбежно должен был следовать и он.

Поэтому *ганпт* весь день дулся, пока Хэл под руководством Зугу крутил руль драндулета, скачущего по лесным дорогам. Единственный раз, когда Порнсен заговорил, он напомнил Хэлу о святости человеческой личности и велел ехать медленнее.

Хэл тогда ответил:

– Простите меня, великодушный опекун, – и ослабил давление на газ. Но постепенно вернулся к прежнему ходу, и машина, рыча и подпрыгивая, неслась по неровной грунтовой дороге.

Зугу открутил оба конца трубки, вставил один в свой V-образный рот и с силой дунул. С другого конца, увы, ничего не вылетело. Зугу зажмурил большие синие глаза, снова надул щеки. И вновь ничего не случилось, только слегка зеленоватое лицо кувыркуна стало темно-оливковым. Он постучал медной трубкой по капоту и еще дунул – с тем же результатом.

Фобо сунул руку во вместительную кожаную суму, висящую на поясе, охватывающем его округлый живот. Показались большой и указательный пальцы, держащие крошечное синее насекомое. Он осторожно сунул это создание в конец трубки. И через пять секунд из другого конца поспешно выпало другое насекомое, красной расцветки. За ним с голодным щелканьем мандибул показалось синее. Фобо проворно поймал своего приятеля и сунул его обратно в суму, а Зугу раздавил красное подошвой сандалии.

– Зри! – сказал Фобо. – Пожиратель спирта! Живет в топливном баке и насасывается свободно и безопасно. А выделяет углеводы. Пловец в золотых морях алкоголя. Что за жизнь! Но время от времени становится слишком предприимчивым, заплывает в отстойник, ест и переваривает фильтр и попадает в топливопровод. Видишь? Зугу уже меняет фильтр, и сейчас поедет дальше.

Дыхание Фобо отдавало необычным и тошнотворным запахом. Хэл подумал, не пил ли спирт сам кувыркун – он раньше ни в чьем дыхании его не чувал – и вообще не имел подобного опыта. Эта мысль заставила Хэла нервничать. Если *ганпт* узнает, что на заднем сиденье передают друг другу бутылку, он ни на минуту не выпустит Хэла из виду.

Кувыркуны вернулись в машину.

– Итак, отбудем и поедем! – провозгласил Фобо.

– Минутку, – тихо сказал Порнсен Хэлу. – Я думаю, лучше, чтобы эту штуку вел Зугу.

– Если вы попросите кувыркуна вести машину, он будет знать, что вам не хватает уверенности во мне, своем соплеменнике, – ответил Хэл. – Вы же не хотите, чтобы он решил, будто вы ставите кувыркуна выше человека?

Порнсен закашлялся, будто ответ Хэла встал ему поперек горла, потом выговорил, задыхаясь:

– Ко-ко-конечно, нет! Сигмен меня упаси! У меня на уме было лишь твое благо. Я думал, что ты мог устать от такого напряжения – весь день пилотировать эту примитивную и опасную конструкцию.

– Благодарю за вашу любовь ко мне, – сказал Хэл, улыбнулся и добавил: – До чего же утешительно знание, что вы всегда рядом со мною, всегда готовы отвести меня от опасностей любого псевдобудущего.

– Я поклялся «Западным Талмудом» вести тебя по этой жизни, – сказал Порнсен.

Пристыженный упоминанием священной книги, Хэл запустил машину. Сперва он ехал достаточно медленно, – так, как устраивало *ганпта*. Но минут через пять нога стала тяжелой, и деревья понеслись назад. Он глянул на Порнсена. Напряженная спина и стиснутые зубы *ганпта* говорили, что он вновь подумывает о докладе главному уззиту на звездолете. Судя по его виду, он разозлился так, что готов был для своего подопечного потребовать Измерителя.

Хэл Ярроу глубоко вдыхал бьющий в лицевую маску воздух. К Ч Порнсена! К Ч Измеритель! Кровь колотилась и бурлила в жилах. Воздух этой планеты был не то что спертый воздух Земли. Легкие впивали его счастливыми вдохами. Хэл чувствовал в эту минуту, что готов щелкнуть пальцами под носом самого Архиуриэлита!

– Берегись! – крикнул вдруг Порнсен.

Хэл краем глаза увидел выпрыгивающего справа из леса на дорогу зверя, похожего на антилопу, внезапно оказавшегося прямо перед машиной. Тут же рванул руль, чтобы уйти от столкновения, машину занесло, корма вылетела вперед. Хэлу не хватало опыта понять, что колеса нужно поворачивать в сторону заноса.

Но это незнание не оказалось фатальным – разве что для зверя, ударившего всей массой в правый борт машины. Длинные рога запутались в куртке Порнсена и распорили правый рукав.

От столкновения с антилопой скольжение прекратилось, машина выправилась, но ее понесло под углом к дороге, вверх по крутой осыпи. Вырвавшись наверх, машина прыгнула в воздух и тяжело рухнула вниз под грохот четырех одновременно лопнувших шин.

Но даже этот удар ее не остановил. Перед Хэлом возник огромный куст, Хэл рванул руль – поздно.

Он тяжело ударился грудью о руль, будто желая проткнуть стойкой приборную доску. Фобо вмазался ему в спину, добавив нагрузки. Оба вскрикнули, и кувыркун выпал из машины.

И наступила тишина, если не считать шипения столба пара из пробитого радиатора. Он рвался вверх сквозь ветки, зажавшие лицо Хэла в корявых тисках коры.

Сквозь рваные контуры пара Хэл Ярроу смотрел в большие карие глаза. Потряс головой. Глаза? И руки будто ветви? Или ветви как руки? Словно бы в объятиях кареглазой нимфы. Или их называли дриадами? Спросить было некого, спутники не были обязаны знать о таких созданиях. «Нимф» и «дриад» удалили из всех книг, в том числе из хековского издания «Пересмотренный и реальный Мильтон». Только потому, что Хэл был лингвистом, ему представилась возможность прочитать неочищенный «Потерянный рай» и ознакомиться таким образом с классической греческой мифологией.

Мысли гасли и вспыхивали, как огоньки на панели управления звездолета. Нимфы иногда превращались в деревья, чтобы ускользнуть от преследователей. Уж не тот ли это сказоч-

ный лес, где женщины смотрят на тебя большими красивыми глазами с ресницами невообразимой длины?

Он закрыл глаза и подумал, не вызвано ли его видение травмой головы, и если так, не будет ли оно постоянным. Подобные галлюцинации стоят того, чтобы сохранить их подольше. А согласуются они с реальностью или нет – дело десятое.

Он открыл глаза. Галлюцинация исчезла.

Это та антилопа на меня смотрела, подумал он. Все-таки смогла убежать. Забежала за куст и оглянулась. Глаза антилопы. И моя темная сторона дорисовала к волшебным глазам голову, длинные черные волосы, изящную белую шею, выпукло-пленительные груди... нет! Нереально! Это мой болезнью пораженный разум, – разум, оглушенный шоком, тут же открыл то, что гнило в нем, вскипало все бесконечное время на корабле, пока он не видел женщин, даже на лентах...

О глазах он скоро забыл – стал задыхаться. Тяжелый тошнотворный запах повис над машиной. Видимо, катастрофа изрядно напугала кувыркунов – иначе бы они не расслабили сфинктеры, контролирующие горловину «бешеного мешка». Этот орган, пузырь, расположенный возле поясицы, был у до-разумных предков озановцев мощным оборонительным оружием, очень похожим на оружие жука-бомбардира. Сейчас почти рудиментарный орган, бешеный мешок, служил средством сброса крайнего нервного напряжения. Функционировал он эффективно, но его применение создавало проблемы. Психиатры кувыркунов во время сеансов психотерапии вынуждены были либо широко открывать окна, либо надевать противогазы.

Кеоки Амизель Порнсен с помощью Зугу кое-как выполз из-под куста, куда его выбросило. Большое пузо, лазурный цвет формы и белые нейлоновые ангельские крылья, вышитые на спине куртки, делали его странно похожим на жирного синего клопа. Он встал, снял маску от ветра, явив обескровленное лицо. Трясущиеся пальцы дрожали над скрещением песочных часов и меча, символа Союза. Наконец он нашел клапан, который искал, открыл магнитные губы кармана и вытащил пачку «Милостивого серафима». Вставив сигарету в угол рта, он попытался зажечь ее, но зажигалка неуклюже прыгала в пальцах.

Хэл поднес к сигарете Порнсена раскаленную спираль собственной зажигалки. Рука не дрожала. Тридцать один год строжайшей дисциплины – и потому он сдержал ухмылку, лицо оставалось бесстрастным.

Порнсен огонь принял. Через секунду легкий тремор около губ показал: он знает, что сейчас его преимущество над Ярроу сильно уменьшилось. Потому что нельзя позволять человеку оказывать тебе услугу – пусть даже такую мелкую, – и потом хлестать его плетью. И все же он начал официально:

– Хэл Шамшиэль Ярроу!

– *Шиб, авва.* Слушаю и повинуюсь, – ответил ему Хэл официальной формулой.

– Как объяснишь ты этот инцидент?

Хэл удивился: голос Порнсена звучал куда мягче ожидаемого. Но он не разрешил себе расслабиться, подозревая, что Порнсен намерен застать его врасплох и нанести удар, когда он не будет мысленно готов к нападению.

– Я – точнее, Уклонист во мне – отклонился от реальности. Я – моя темная сторона – намеренно запустила псевдобудущее.

– Это правда? – спросил Порнсен спокойно, но с некоторым сарказмом. – Твоя темная сторона, говоришь? Уклонист в тебе? Вот так ты всегда и говоришь с тех самых пор, как только говорить научился. Почему ты всегда должен обвинять кого-то другого? Ты же знаешь – должен знать, потому что мне много раз приходилось тебя пороть, – что вся ответственность на тебе и только на тебе. Когда тебя учили, что отклонения от реальности вызывает твоя темная сторона, тебя учили и тому, что Уклонист ничего не мог бы сделать с тобой без твоей добровольной помощи – без помощи твоей *истинной сущности*, Хэл Ярроу.

– Это так же *нишб*, как левая рука Предтечи, – согласился Хэл. – Но, возлюбленный мой *ганпт*, вы в своей краткой нотации забыли одну вещь.

И в его голосе звучал сарказм не слабее, чем у Порнсена.

– Что ты хочешь этим сказать? – чуть ли не взвизгнул *ганпт*.

– Только то, – торжествующе ответил Хэл, – что вы тоже участвовали в этой аварии. И создали ее в той же степени, что и я!

Порнсен вытаращил глаза. Сказал хнычущим голосом:

– Но... но ведь ты вел машину!

– Нет в том ни малейшей разницы, как вы меня всегда учили! – Хэл нагло усмехнулся. – Вы *согласились* участвовать в столкновении. Иначе мы бы *разминулись* со зверем.

Порнсен перестал затягиваться, рука у него дрожала. Ярроу смотрел, как она повисла вдоль тела Порнсена, пальцы этой руки перебирали семь хвостов плетки на рукояти, торчащей из-за пояса.

– Ты всегда демонстрировал достойную сожаления гордыню и независимость. Такая наглость твоего поведения не соответствует структуре вселенной, каковая была явлена человечеству Предтечей, да будет реально его имя.

– Я отправил к Ч [затяжка] – да простит их Предтеча! – дюжины две людей. Мне неприятно было так поступать, потому что я любил их всем своим сердцем и всей своей личностью. Я плакал, сообщая о них святой иерархии, ибо я – человек мягкосердечный. [Затяжка!] Но таков был мой долг как Ангела Хранителя *Pro Tempore*: предупредить и искоренить эту отвратительную болезнь личности, ибо она могла распространиться и заразить идущих за Сигменом. Нереальность терпеть нельзя. Слишком слаба личность и драгоценна, чтобы подвергать ее соблазну.

– Я был твоим *ганптом* с самого твоего рождения. [Затяжка!] Ты всегда был непослушным дитятей. Но тебя можно было любовью вернуть к послушанию и покорности, и ты часто ощущал мою любовь. [Затяжка!]

Ярроу почувствовал, как бегут по спине мурашки. Смотрел, как крепко сомкнулись пальцы *ганпта* на этой «любви», торчащей у него из-за пояса.

– Но лишь когда тебе исполнилось восемнадцать, ты реально отклонился от истинного будущего и показал свою слабость перед псевдобудущими. Это тогда ты решил стать *наврумом*, а не специалистом. Я тебя предупреждал, что как наврум ты не продвинешься в нашем обществе далеко, но ты настаивал, а так как наврумы нам действительно нужны, и так как мне велели мои начальники, я позволил это тебе.

– Это уже [затяжка] было достаточно *неишб*. Но когда я выбрал тебе наиболее подходящую женщину в жены – как велели моя обязанность и право – ибо кто кроме любящего *ганпта* знает, какой тип женщины тебе подходит? – я увидел, как ты горд и нереален. Ты спорил и возражал и пытался действовать через мою голову, упирался целый год, пока согласился жениться на ней. За этот год нереального поведения ты обошелся Церству в одну личность...

Хэл побледнел, и отчетливо проявились семь тонких красных отметин, протянувшихся от левого угла губ через щеку к уху.

– Я ничего не стоил Церству! – рявкнул он. – Мы с Мэри были женаты девять лет, но детей у нас не было. Тесты показали, что никто из нас не бесплоден физически. Значит, один или оба из нас не думали плодородно. Я подавал прошение о разводе, хотя и знал, что меня могут отправить к Ч. Почему же вы не настояли на разводе, как того требовал ваш долг, а отложили мою петицию в долгий ящик?

Порнсен достаточно невозмутимо выпустил дым, но одно плечо опустилось ниже другого, будто что-то в нем оборвалось. Ярроу при виде этого понял, что задел *ганпта* за живое.

– Когда мне стало известно, что ты на «Гаврииле», – сказал он, – я был уверен, что ты попал туда отнюдь не по собственному желанию – чистосердечному стремлению послужить

Церству. Я [затяжка] в тот момент подумал, что ты записался по одной-единственной причине. И сейчас я *шиб, шиб* до мозга костей, что причиной этой было твое порочное желание удрать от жены. А поскольку единственными законными основаниями для развода являются бесплодие, прелюбодеяние и межзвездное путешествие, а прелюбодеяние означает отправку к Ч, ты [затяжка] выбрал единственный выход. Ты стал мертвецом по закону перед тем, как попасть в экипаж «Гавриила». Ты...

– Не надо мне тут про закон! – заорал Хэл. Его трясло от ярости, и он ненавидел себя за то, что не может скрыть эту эмоцию. – Вы знали, что не выполняете как следует функции *ганнта*, когда отложили мою просьбу! Мне пришлось подписаться...

– Так я и думал! – улыбнулся Порнсен и выпустил клуб дыма. – Я отказал, потому что счел, что это будет нереально. Видишь ли, я видел сон, очень живой сон, и в нем Мэри родила тебе ребенка через два года. И это не был ложный сон, ибо в нем наличествовали безошибочные признаки откровения, ниспосланного Предтечей. После этого сна я знал, что твое желание развода есть лишь суетная погоня за псевдобудущим. Знал, что истинное будущее в моих руках, и, лишь руководя твоим поведением, я мог сделать его настоящим. Я записал этот сон сразу после того, как увидел его, а это случилось всего через неделю после того, как я рассмотрел твою петицию и...

– Значит, вы подтверждаете, что вас предал сон, посланный Уклонистом, и не видели вы никакого откровения, посланного Предтечей! – снова заорал Хэл. – И я доложу об этом, Порнсен! Собственными устами ты обвинил себя!

Порнсен побледнел. Челюсть отвисла, сигарета упала на землю, губы задрожали от страха.

– Что... что ты говоришь?

– Как могла бы она родить мне ребенка через два года, когда я не на Земле и не могу его зачать? Значит, тот сон, о котором говоришь *ты сам*, никак не может стать реальным будущим! Следовательно, ты позволил себе быть обманутым Уклонистом. А ты знаешь, что это означает? Ты – кандидат на отправку к Ч!

Ганнт замер – лишь на миг. Опущенное левое плечо пришло в движение, выровнявшись с правым, рука дернулась к рукояти плети, сомкнулась вокруг коптского креста на ее конце и выхватила из-за пояса. Плеть щелкнула в дюйме от лица Хэла.

– Видишь семь хвостов? – заверещал Порнсен. – По одному за каждую из Семи Смертных Нереальностей! Ты с ними знаком, и ты снова их почувствуешь!

– Заткнись! – резко бросил Хэл.

У Порнсена отвисла челюсть:

– Как ты смеешь? – заскрипел он. – Я твой возлюбленный *ганнт*, я...

– Я велел тебе заткнуться! – сказал Хэл тише, но с той же интонацией. – Меня тошнит от твоего визга. Много лет тошнит, всю мою жизнь.

Говоря это, он смотрел на идущего к ним Фобо. За спиной Фобо на дороге лежала мертвая антилопа.

Зверь мертв, подумал Хэл. А я думал, антилопа смогла сбежать. А глаза, что смотрели на меня из куста? Антилопа?.. Но ведь она мертва, так чьи же они?

Голос Порнсена вернул его в реальность.

– Я думаю, сын мой, что мы неосторожно склонились над бездной гнева, это случайность, а не заранее обдуманное злое намерение. Да простим мы друг друга и да не скажем ничего уззитам, вернувшись на корабль.

– Мне *шиб*, если тебе *шиб*, – ответил Хэл.

Так странно было видеть слезы, выступившие на глазах Порнсена. И уж совсем неожиданной оказалась неуклюжая попытка Порнсена обнять его за плечи.

– Мальчик мой, если бы ты только знал, как сильно я тебя любил, как мне было больно, когда приходилось тебя наказывать!

– Что-то верится с трудом, – пробормотал Хэл, отвернулся от Порнсена и пошел навстречу Фобо.

У Фобо тоже выступили слезы – маленькие озерца у нечеловечески больших и круглых глаз. Но плакал он по другой причине: из сочувствия к зверю и потрясения от аварии. Однако с каждым шагом в сторону Хэла выражение его лица становилось менее горестным, слезы высыхали. Указательным пальцем правой руки он рисовал над головой круг.

Хэл знал, что это религиозный жест, который кувьркуны могут использовать в том или ином случае. Сейчас Фобо, кажется, таким образом сбрасывал напряжение. Вдруг он улыбнулся жуткой улыбкой кувьркуна – V внутри другого V. Снова вернулось хорошее настроение: нервная система у него была достаточно чувствительна, но реагировала быстро, напряжение и разрядка легко сменяли друг друга.

Фобо остановился перед землянами и спросил:

– Конфликт персон, господа? Несогласие, спор, диспут?

– Нет, – ответил Хэл. – Всего лишь небольшое потрясение. Как по-твоему, далеко ли нам придется идти к этим гуманоидным руинам? Ваша машина разбита, скажи Зугу, что я приношу извинения.

– Не берите в черепа... в головы. Зугу давно готов построить новую машину, получше. А прогулка будет приятной и полезной. Идти всего один... километр? Или что-то в этом роде.

Хэл бросил маску и очки в машину, куда озановцы уже сложили свою экипировку. Взял чемодан из отделения, расположенного за задним сиденьем. Чемодан *gannita* он оставил там. Не обошлось без укола чувства вины, ведь в качестве подопечного Порнсена он должен был предложить свои услуги.

– Да ну его к Ч, – буркнул он и обратился к Фобо: – Вы не боитесь, что автомобильные костюмы могут украсть?

– Виноват? – переспросил Фобо, обрадованный возможностью узнать новое слово. – Украсть – это что значит?

– Взять незаметно принадлежащую другому собственности без разрешения владельца и сохранить ее для себя. Это преступление, наказуемое по закону.

– Преступление?

Хэл решил не развивать эту тему дальше и быстро пошел вперед по дороге. За ним шел *gannit*, раздраженный перепалкой и тем, что подопечный нарушил этикет, заставив его самого нести свои же вещи. Он крикнул:

– Не слишком далеко загадывай, ты... наврум!

Хэл не обернулся, но прибавил шагу. Сердитый ответ, готовый уже сорваться с его уст, испарился. Он краем глаза заметил в зеленой листве полосу белой кожи.

Только на краткий миг – мелькнуло и пропало. И не было уверенности, что это не белое птичье крыло, развернувшееся в тени.

Хотя вообще-то была.

Ведь на Озанове никто не видел ни одной птицы.

Глава седьмая

– Сю Яроу. Сю Яроу. Вухфвайфву, сю Яроу.

Хэл проснулся, не поняв со сна, где находится. Через миг вспомнил, что спал в одной из мраморных комнат среди развалин. В дверной проем лился свет луны, и был он ярче, чем на Земле. Лунный луч пал на что-то маленькое, свисающее головой вниз с дверного проема, ярко блеснул на влетевшем мелком насекомом. Мелькнуло нечто длинное и тонкое, схватило летуна и мгновенно втянуло в разинутую пасть.

Ящерица, одолженная сторожами развалин, надежная охрана от вредной живности.

Хэл повернул голову, выглянул в открытое окно. Там сидел еще один ночной ловец, постоянно ощущывавший языком свободную от москитов зону.

Из-за этого омытого луной узкого прямоугольника прозвучал голос. Хэл старательно прислушался, будто таким образом мог заставить тишину снова уступить голосу, но тишина длилась и длилась. Потом вдруг Хэл вздрогнул и развернулся – за его спиной послышалось пыхтение и легкое постукивание. В дверях стояла тварь размером с енота. Квазинасекомое, из породы так называемых жуков-с-легкими, рыскающих в ночном лесу. Такого причудливого развития членистоногих на Земле не наблюдалось: в отличие от своих земных сородичей, они имели возможность доставлять себе кислород не только посредством трахей: позади пасти раздувались и опадали два хорошо различимых мешка, как у лягушки. Это ими пыхтел ночной гость.

Несмотря на зловещую форму легочного жука – он был похож на богомола, – Хэл не встревожился. Фобо сказал ему, что эти жуки для человека не опасны.

Вдруг комнату прорезал пронзительный сигнал будильника. На койке у стены проснулся и сел Порнсен, тотчас же увидел насекомое и завопил. Оно поспешно бросилось прочь. Шум, издаваемый механизмом на руке Порнсена, смолк.

Порнсен снова лег и простонал:

– Шестой уже раз эти *сибные* жуки будят меня!

– Отключи будильник, – посоветовал Хэл.

– Чтобы ты прокрался наружу и пролил свое семя на землю, – буркнул в ответ Порнсен.

– Ты не имеешь права обвинять меня в столь нереальном поведении, – ответил Хэл.

Но ответил машинально, без всякой злости. Он думал о том голосе.

– Сам Предтеча сказал, что никто не выше укора, – пробормотал Порнсен. Он вздохнул и продолжил, постепенно проваливаясь в сон: – Интересно, верен ли слух... сам Предтеча может быть на этой планете... смотрит на нас... предсказал... а-хаа...

Хэл сел в койке и смотрел на Порнсена до тех пор, пока дыхание *ганпта* не стало ровным и тихим. Да у него и самого веки отяжелели. Конечно же, этот тихий вкрадчивый голос, говоривший на непонятном языке – не земном и не озановском, ему приснился. Наверняка так и было: голос принадлежал человеку, а они с *ганптам* тут единственные гомо сапиенсы на двести миль в любую сторону.

И голос был женский. О Предтеча, снова услышать женщину! Не Мэри. Вот ее голоса он точно не хотел бы услышать снова, и даже о ней хотел бы ничего больше не слышать. Она была единственной женщиной, которую он – осмелится ли он это сказать? – имел. Это было печальное, отвратительное и унижительное испытание. Но оно не избавило его от желания – как хорошо, что Предтечи здесь нет и он не прочтет мысли – встретить другую женщину, которая подарит ему, быть может, тот восторг, которого он никогда не испытывал, разве что в момент пролития семени, а это – спаси его Предтеча! – было, он уверен, бесцветно и плоско по сравнению с тем, что его ждет...

– Сю Яроу. Вехву. Се мфа, ж'нет Тастинак. Р'гатех ва ф'нет.

Хэл медленно поднялся с койки. Шею сковало льдом. Шепот действительно шел из окна! Хэл глянул туда – очертания изящной женской головки чуть клонились в сторону в окне, словно в коробе лунного света. И этот короб внезапно стал каскадом. Лунный свет мягко обтекал плечи. Белизна пальца перечеркнула черноту губ.

– Пу ваму ту бо чу. Е`утех. Силахс. Фвунех. Фвит, силфвуплех.

Оцепенелый, но послушный, будто его накачали гипно-липно, он двинулся к двери. Но по пути все же нашел в себе силы, чтобы оглянуться на Порнсена и убедиться, что тот спит.

На мгновение рефлексy едва не возобладали над ним и не заставили его разбудить *ганпта*. Но Хэл отдернул руку, протянувшуюся было к Порнсену. Нельзя не воспользоваться предоставленной возможностью. Тревога и страх в женском голосе сказали ему, что она в отчаянном положении и нуждается в его помощи. И очевидно было, что она не хочет, чтобы он будил Порнсена.

Что сказал бы Порнсен, что сделал бы он, если бы знал, что за дверями комнаты – женщина?

Женщина. Почему она оказалась в этом месте?

Что-то знакомое звучало в ее словах. Создавалось неясное, ускользающее впечатление, что язык этот он должен узнать.

Но нет, не узнавал.

Хэл остановился. О чем он только думает? Если Порнсен проснется и глянет на койку, проверяя, на месте ли его подопечный...

Он вернулся к койке и запихнул под одеяло чемодан, который ему выдал опекун. Свернул куртку и положил ее впритык к чемодану так, что часть куртки выползла на подушку. Может, Порнсен спросонья примет темное пятно на подушке и выпуклость под одеялом за Хэла.

На цыпочках, босиком, он снова двинулся к двери. Ее охранял предмет примерно восьми дециметров в высоту: скульптура архангела Гавриила, бледная, с полураскрытыми крыльями, правая рука вознесла над головой меч.

Если какое-либо существо чуть крупнее мыши приблизится на расстояние двух футов, оно окажется в излучаемом статуей поле, и тут же включится сигнал, передаваемый на серебряный браслет со звуковым генератором на руке у Порнсена. Генератор пронзительно взвывает – как только что, при появлении жука, – и Порнсен вынырнет из глубин сна.

Статуя не только охраняла их от непрошенных гостей: она гарантировала, что Хэл не выйдет из комнаты незаметно для *ганпта*. Поскольку развалины не имели канализационной системы, у Хэла был единственный повод выйти наружу – чтобы облегчиться. Но *ганпт* непременно увяжется за ним.

Хэл взял мухобойку. Ее трехфутровая рукоять была сделана из гибкого дерева. Слишком мала, чтобы поле среагировало на нее.

Очень осторожно, дрожащей рукой он отодвинул статую от входа. Малейший наклон в ту или иную сторону – и сработала бы тревога. К счастью, именно в этом месте с каменного пола убрали мусор, копившийся столетиями. И камень был гладким, отполированным подошвами целых поколений здешних обитателей.

Оказавшись снаружи, Хэл обернулся и поставил предмет на прежнее место. Потом с колотящимся сердцем – мышцы гудели, будоражила перспектива встречи с незнакомкой – он свернул за угол.

Женщина отошла от окна, скрывшись в тени статуи какой-то коленопреклоненной богини ярдах в сорока. Хэл направился к ней, и сразу увидел, почему она прячется. К нему шел Фобо. Хэл прибавил шаг, думая перехватить кувыркуна, пока тот не заметил девушку, и еще до того, как Фобо подойдет настолько близко, что их голоса разбудят Порнсена.

– Шалом, алоха, добрых снов, да возлюбит тебя Сигмен, – приветствовал его Фобо. – Кажется, ты нервен. Дело в инциденте, что произошел в накануненый день?

– Нет, просто не спится. Хотелось полюбоваться на развалины в лунном свете.

– Величественно, красиво, жутко и слегка грустно, – подтвердил его впечатления Фобо. – Я думаю об этих людях, о многих поколениях, живших здесь, – как они рождались, играли, смеялись, плакали, страдали, рожали детей и умирали. И все, все, все до одного мертвы и обратились в прах. Ах, Хэл, это вызывает у меня слезы на глазах и предчувствие собственной неумолимой судьбы.

Он достал из кармана на поясном ремне платок и высморкался.

Хэл посмотрел на Фобо. До чего же человечен – в некоторых отношениях – этот чудной организм, этот туземец Озанова! Да, Озанов. Странное имя, со своей забавной легендой – что первооткрыватель планеты, впервые увидев туземцев, воскликнул: «Оз, заново!»

Вполне естественная реакция: аборигены своим обликом напоминали Профессора Жука-Кувыркуна из сказки Фрэнка Баума. Округлое туловище, и тощие – по контрасту – конечности. Рот в форме двух достаточно широких и неглубоких букв V, одна внутри другой. Толстые дольки губ. Вообще-то у кувыркунов было целых четыре губы – обе ветви двойного V разделял глубокий шов на стыке. Когда-то, в начале эволюционного пути, эти губы были видоизмененными руками. Теперь же – рудиментарные члены, так замечательно замаскированные и настолько функциональные, что никто бы нипочем не догадался об их происхождении. Когда эти широкие, вложенные друг в друга рты раскрывались, люди нервно вздрагивали. Зубов не было – лишь неровный край челюстной кости. Кожная складка, свисающая с неба. Прежде – носоглотка, а сейчас – рудиментарный верхний язычок. Именно этот орган придавал многим озановским звукам то глубокое звучание, которое не удавалось адекватно воспроизвести ни одному человеку.

Пигментация кожи у них была слабой, как у рыжеволосого Хэла. Но его кожа чуть розовела, а у кувыркунов – нежно зеленела. Доставкой кислорода в их кровяном потоке заведовала медь, а не железо – во всяком случае, так они говорили. Пока что кувыркуны отказывались дать пробы своей крови на анализ. Но обещали, что, возможно, дадут свое на то согласие в течение ближайших четырех часов... или пяти недель. Отказ, поясняли они, связан с некоторыми религиозными табу. Но если они преисполнятся уверенности, что земляне не станут пить их кровь, может быть, тогда согласятся.

Макнефф думал, что они лгут, но серьезных причин так полагать у него не было. Озановцы никак не могли знать, для чего людям нужна их кровь.

Оттого, что в их клетках крови медь замещала железо, кувыркуны должны были быть существенно слабее землян и обладать меньшей выносливостью, их кровяные клетки не способны были переносить кислород с такой эффективностью. Но природа это отчасти компенсировала: Фобо обладал двумя сердцами, бьющимися быстрее, чем у Хэла, и сосуды, по которым они гнали кровь, были значительно больше.

И все же сильнейший спринтер или марафонец на этой планете проиграл бы забег своему земному сопернику.

Хэл одолжил у Фобо книгу, описывающую эволюцию кувыркунов, но так как прочесть мог там очень мало, то довольствовался пока многочисленными цветными картинками. Но когда кувыркун объяснил, что они означают, Хэл отказался ему верить.

– Ты утверждаешь, что все млекопитающие происходят от примитивного морского червя? Этого просто не может быть. Мы знаем, что первой сухопутной формой жизни была амфибия! Плавники в течение столетий развились в ноги, утратилась способность получать кислород из морской воды. Амфибия развилась в рептилию, потом в примитивное млекопитающее, затем в насекомоядное, из него в предобезьяну, после этого в обезьяну и наконец в разумное прямоходящее животное, и затем – в современного человека!

– Так ли это? – спокойно спросил Фобо. – Нет, я не сомневаюсь, что все было именно так, как ты говоришь. На Земле. Но здесь эволюция выбрала иной путь. Изначально существо-

вали три древних *себáтакуфу*, то есть *материнских червя*. У одного были кровавые шарики с гемоглобином, у другого – на основе меди, у третьего – на основе ванадия. У первого было естественное преимущество над другими, но почему-то на этом континенте он доминировал, а на другом нет. Определенные факты доказывают, что эволюция первого червя тоже пошла по двум линиям, обе хордовые, но одна из них в результате не дала млекопитающих.

У всех материнских червей были плавники, и они развились в конечности. И...

– Но, – возразил Хэл, – эволюция так действовать не может! Ваши ученые допустили серьезную, фатальную ошибку. В конце концов, вашей науке палеонтологии не больше ста лет.

– Ох! – ответил Фобо. – Ты слишком узко мыслишь. Устремлен назад. У тебя анемичное воображение. Артерии мышления склерозированы. Подумай о возможности, что в этой вселенной – миллиарды пригодных для жизни планет и на каждой эволюция выбрала чуть – или даже не чуть – иной путь. Великая Богиня любит эксперименты. Ей скучно было бы повторять каждый раз одно и то же. А тебе разве нет?

Хэл не сомневался, что кувыркуны заблуждаются. К несчастью, им не уготована столь долгая жизнь, чтобы удостоиться просвещения высшей и куда более старой науки гавайцев.

Сейчас Фобо снял шапочку с двумя искусственными антеннами – символами клана Кузнечика. Но хотя это несколько уменьшило его сходство с профессором Жуком-Кувыркуном, залысина надо лбом и торчащие маленькими штопорами волоски на темени лишь подтверждали его. И комически длинный нос, лишенный переносицы, торчащий из середины лица, еще сильнее увеличивал это сходство. Из носа торчали две антеннки – органы обоняния.

Житель Земли, впервые увидевший озановцев, имел все основания воскликнуть то, что якобы воскликнул, – но сомнительно, чтобы он это сделал. Во-первых, в местном языке слово «Озанов» означало Мать-Земля. Во-вторых, даже если бы участник первой экспедиции так подумал, то вряд ли произнес это вслух. Книги о стране Оз в Гавайском Союзе находились под запретом, и прочесть их он никак не мог бы, разве что купил бы книгу у буклетгера. Возможно, что так и было. На самом деле это единственное вероятное объяснение. Иначе как мог космонавт, рассказавший Хэлу эту историю, знать слово? Человек, поименовавший целую планету, мог не волноваться насчет того, узнают ли власти, что он читал проклятую книгу. Космонавты славилась (увы, сомнительная слава) своим презрением к опасности и не слишком тщательным соблюдением предписаний Церства, когда находились вне Земли.

Хэл отвлекся и успел поймать лишь окончание фразы Фобо:

– ...«наврум», как назвал вас мсье Порнсен, когда был так сердит и яростен. Что означает это слово?

– Это человек, – ответил Хэл, – который, не являясь специалистом ни в какой определенной науке, много знает обо всех науках вообще. Фактически я – офицер связи между различными учеными и правительственными чиновниками. Мое дело – сводить в рефераты и объединять существующие научные доклады и представлять их иерархии.

Он глянул на статую. Женщины не было видно.

– Современная наука, – продолжал он, – столь специализированна, что информативная коммуникация между учеными одной специальности стала весьма затруднительной. Каждый ученый обладает глубоким вертикальным знанием собственной скромной области, а вот горизонтального знания ему недостает. Чем больше он знает о своем предмете, тем меньше ему известно, чем заняты другие люди в родственных научных областях. У него просто нет времени на то, чтобы прочесть даже пару-тройку из поражающей всякое воображение массы статей. Дело зашло так далеко, что из двух докторов, специализирующихся на дисфункциях носовых проходов, один лечит левую ноздрю, а другой – правую.

Фобо в ужасе всплеснул руками:

– Но ведь наука остановилась бы, будь это действительно так! Вы наверняка преувеличиваете!

– Что касается врачей – да, – ответил Хэл, выдавив слабую улыбку. – Но преувеличение не столь велико, как может показаться. И действительно, наша наука теперь развивается не в геометрической прогрессии, как было когда-то. Ученым не хватает времени и очень сильно не хватает общения. Важное открытие, сделанное в смежной области, ничем не поможет специалисту, поскольку он о нем не услышит.

Хэл увидел, как из-за цоколя статуи на миг высунулась голова и снова нырнула в тень. Его прошиб пот.

Фобо стал расспрашивать Хэла о религии Предтечи. Хэл был немногословен и некоторые вопросы просто игнорировал, хотя и не без чувства смущения. Кувыркун – сейчас, да и раньше, – прежде всего придерживался логики, а логика – свет, который Хэл никогда не направлял на то, чему его учили уриелиты.

– Я могу тебе сказать лишь то, что почти все люди путешествуют по субъективному времени, но лишь Предтеча, его заблудший ученик Уклонист и жена Уклониста способны путешествовать по времени объективному. Я знаю, что это правда, потому что Предтеча предсказал, что случится в будущем, и все его предсказания сбылись. И...

– Все предсказания?

– Ну да, все, кроме одного. Но оказалось, что это нереальное предсказание, псевдобудущее, каким-то образом вставленное Уклонистом в «Западный Талмуд».

– Откуда же вы знаете, что те предсказания, что не сбылись до сих пор, – не ложные вставки?

– Ну... в общем, не знаем. Единственный способ узнать наверняка – подождать, пока придет их время. И тогда...

Фобо улыбнулся:

– Вот тогда вы убедитесь, что вот это конкретное предсказание написано и вставлено Уклонистом.

– Конечно. Но уриелиты уже несколько лет работают над методом, который, как они говорят, сможет доказать на основании внутреннего свидетельства, реально или фальшиво будущее событие. Покидая Землю, мы в любой момент готовы были услышать, что наконец-таки найден безупречный метод. Сейчас, разумеется, мы ничего не знаем, – и не узнаем, пока не вернемся на Землю.

– Я чувствую, что этот разговор нервирует тебя, – сказал Фобо. – Быть может, нам лучше будет продолжить его в другой раз. Скажи мне, что ты думаешь об этих руинах?

– Они просто великолепны! Конечно же, меня очень интересует все, что связано с этим исчезнувшим народом, поскольку они были млекопитающие, подобно нам. И я не в силах себе представить, как они могли почти полностью вымереть. Будь они похожи на нас, что весьма вероятно, они бы процветали.

– Вырождающийся, сварливый, жадный, кровавый, разорительный род, – ответил Фобо. – Хотя несомненно, что в их числе изредка встречались очень хорошие люди. Я сомневаюсь, чтобы они сами себя истребили до такого состояния, что осталось лишь несколько десятков особей. И сомневаюсь, что их род выкосила какая-то чума. Но спокойной ночи сейчас, я устал, и потому я иду спать.

– А мне вот не спится. Поброжу-ка здесь еще немного. Эти руины так красивы при яркой луне.

– Похоже на стихи нашего великого барда Шамеро. Если бы я мог их вспомнить и правильно перевести на американский, я бы тебе их прочел.

Вложенные друг в друга «птички» губ Фобо приоткрылись в зевке.

– Я пойду лягу спать, отправлюсь на покой, в объятия Морфея. Но прежде всего: есть ли у тебя какое-либо оружие, клинки, стрелятели для защиты тебя от тех созданий, что рыщут в ночи?

– Мне дозволено носить нож в ножнах на голени, – ответил Хэл.

Фобо сунул руку под плащ, достал пистолет, протянул его Хэлу и сказал:

– Вот! Надеюсь, тебе не придется пустить его в дело, но заранее это неизвестно. Мы живем в диком и хищном мире, мой друг. Особенно здесь, вдали от городов.

Хэл с интересом поглядел на оружие, похожее на то, что он видел в Сиддо. Грубая работа – по сравнению с изящными автоматами на «Гаврииле», но некая аура таинственного очарования инопланетного изделия... Кроме того, он походил на старые стальные пистолеты Земли. Шестигранный ствол чуть короче трех дециметров, калибром – на глаз – миллиметров десять. Вращающийся барабан с пятью медными патронами; патроны наполнены черным порохом, заряжены свинцовыми пулями и снабжены ударными капсюлями, содержащими, вероятно, гремучую ртуть. Странно, что как такового спускового крючка у пистолета не было: сильная пружина ударяла бойком по капсюлю, когда палец отпускал боек.

Хэл не отказался бы рассмотреть механизм, поворачивающий барабан при оттяжке бойка назад. Однако ему не хотелось, чтобы Фобо задержался здесь хоть на секунду дольше времени, необходимого, чтобы его спровадить.

И все же он не удержался от вопроса, почему в Сиддо не используется спусковой крючок. Фобо не сразу понял, что к чему. Когда Хэл объяснил подробнее, кувыркун заморгал большими круглыми глазами (непривычное и не слишком приятное зрелище, потому что движение совершало нижнее веко) и сказал:

– Никогда о таком не думал! А ведь это, кажется, удобно и не так утомительно для стрелка?

– Мне это очевидно, – ответил Хэл. – Но я ведь землянин и мыслю как землянин. И давно подметил тот вполне ожидаемый факт, что вы, озановцы, не всегда думаете так, как мы.

Он отдал пистолет Фобо и сказал:

– Прости, не могу его взять. Ибо мне запрещено носить огнестрельное оружие.

Фобо посмотрел озадаченно, но решил, что спрашивать о причине – неpolitично. А может, он слишком устал от вопросов и ответов.

– Очень хорошо, – сказал он. – Шалом, алоха, приятных снов. Да посетит тебя Сигмен.

– И тебе шалом, – ответил Хэл.

Он смотрел в широкую спину уходящего в тень кувыркуна, проникаясь странным теплым чувством к этому созданию. Станный, чуждый, несуразный – Фобо Хэлу нравился.

Он повернулся и направился к статуе Великой Матери. Приблизившись к тени, спадающей с ее цоколя, он увидел женщину, скользнувшую в тень трехэтажной кучи щебня. Повернув в ту сторону, он увидел ее впереди, прислонившуюся к какому-то монолиту. Совсем рядом поблескивало озеро, серебристо-черное в лунном свете.

Хэл направился к женщине, и когда он приблизился метров на пять или чуть меньше, она сказала низким гортанным голосом:

– *Бо сфа, сю Яррроу.*

– *Бо сфа*, – эхом отозвался он, понимая, что это приветствие на ее языке.

– *Бо сфа*, – повторила она и потом, видимо, ради него переводя эту фразу, сказала посиддски: – *Абху'умаигеитси'и.*

Это очень приблизительно означало «добрый вечер».

Хэл ахнул.

Глава восьмая

Ну конечно же! Он понял, почему так странно-знакомо звучали эти слова и казался родным ритм ее речи, напоминая то, что он слышал совсем недавно. Всколыхнулось воспоминание об исследовании в крошечной общине последних франкофонов в Заповеднике Гудзонова Залива.

Бо сфа. Бо сфа – то есть bon soir.

И хотя ее речь была, лингвистически выражаясь, весьма запущенной формой, она не могла скрыть своего происхождения. Бо сфа. А другие слова, донесшиеся через окно? *Vexvu.* А это *levez-vous*, «вставайте» по-французски?

Сю Ярроу. Не могло ли это быть – и почти наверняка – мсье Ярроу? Начальное «м» опущено, французское *ei* мутировало во что-то, отдаленно напоминающее американское «ю»? Наверняка. И еще кое-какие изменения в этом вырожденном французском. Развитие аспирации, прекращение назализации, сдвиг гласных, замена «к» перед гласной языковой паузой. Изменение «д» на «т», «л» на нечто среднее между «у» и «в», «ф» зависло между «ф» и «в», «в» сменилось на «ф». А еще что? Наверное, трансмутация в значении слов и новые слова, сменившие старые.

И все-таки, вопреки всей чужеродности, нечто галльское отчетливо ощущалось.

– *Бо сфа,* – повторил он за ней и подумал: что за странное, неадекватное приветствие! Два человека встречаются за сорок с лишним световых лет от Земли, – мужчина, не видевший женщин целый субъективный год, и женщина, скрывающаяся в тени, явно опасаящаяся чего-то, последняя, быть может, оставшаяся на этой планете. И все, что он может сказать, это – «добрый вечер»?

Он подошел ближе – и полыхнул жаром смущения, едва не обратившись в бегство. На ее белой коже было лишь два черных лоскутка материи – один поперек груди, другой обернут вокруг бедер. Ничего подобного он никогда не видел, разве что на той запретной фотографии.

Но смущение тут же было забыто, когда он заметил, что у нее накрашены губы. Он ахнул, его охватил страх. Губы ее алели, как у чудовищного порождения зла – жены Уклониста.

Усилием воли он подавил дрожь. Надо рассуждать рационально. Не может же это быть Анна Чейнджер, явившаяся из далекого прошлого на эту планету чтобы соблазнять его, чтобы обратить его против религии реального. Она бы не говорила на вырожденном французском, будь она Анной Чейнджер. И не явилась бы она к столь незначительной личности, как Хэл. Она бы к Архиуриелиту пришла, к Макнеффу.

А насчет накрашенных губ... косметика исчезла на Земле с пришествием Предтечи. Ни одна женщина не смела... нет, не так. Косметикой в Союзе не пользовались. Израилитки, малайки и банту мазали губы красным. Но все знали, что это за женщины.

Еще шаг, и Хэл оказался достаточно близко, чтобы понять: это естественный цвет, никакая не краска. А значит, она не может быть женой Уклониста. Или вообще – земнорожденной. Явно какой-то местный, озановский гуманоид. Фрески на стенах развалин изображали краснотелых женщин, да и Фобо говорил, что они рождались с пламенной краской на губах.

Ответ породил вопрос: почему она говорит на земном языке – точнее, на языке, происходящем от земного? Хэл был уверен, что этого языка на Земле не существует.

В следующее мгновение он позабыл обо всем: женщина прильнула к нему, его руки обхватили ее, в неуклюжей попытке успокоить. Она рыдала и говорила быстро-быстро-быстро – так, что даже его опыт обращения с французской лексикой не мог помочь.

Хэл попросил ее говорить чуть помедленнее, вернуться назад, повторить фразу. Она перевела дыхание, чуть наклонила голову, отвела волосы назад. Ему еще предстояло привык-

нуть к этому ее характерному жесту, свидетельствующему о том, что она погрузилась в размышления.

Она начала медленно повторять, но скоро увлеклась, снова затараторила, и губы ее шевелились как два независимых красных существа, живущих своей отдельной жизнью.

Хэл смотрел на них как замороженный. Устыдившись, постарался перевести взгляд на большие черные глаза, но не в силах выдержать их жара, уставился на ее висок.

Ее бессвязный рассказ то и дело прерывался, двигался вспять. Многие слова он не мог понять, и приходилось догадываться по контексту. Вскоре он уже знал, что ее зовут Жанетта Растиньяк и что она спустилась с плато в центральных горах этого континента. Она и три ее сестры были, по ее словам, единственными живыми представителями ее рода. Она была схвачена исследовательской экспедицией кувркунов, намеревавшихся отвезти ее в Сиддо. Она убежала и с тех пор прячется в развалинах и в окружающих лесах. Ее пугают страшные твари, рыскающие в лесу ночью. Она кормится дикорастущими ягодами и едой, украденной на фермах кувркунов. Она видела, как Хэл на своей машине столкнулся с антилопой. Да, это ее глаза блестнули в чаще, ее, а не антилопы.

– Как ты узнала мое имя? – спросил он.

– Следила за вами, подслушала ваш разговор. Сначала ничего не могла разобрать, услышала только, что ты откликаешься на имя Хэл Ярроу. Это было легко, но я не поняла, почему ты и тот другой мужчина, похожий на моего отца, вы, с виду люди, не говорите на языке моего отца, а значит, вовсе не с его планеты? А потом я поняла: ну конечно же! Отец рассказывал мне, что его народ прибыл на *Вюбофей* с другой планеты. А значит, вы должны быть оттуда, с родины людей.

– Ничего не понимаю, – ответил Хэл. – Предки твоего отца прилетели на эту планету, Озанов? Но... но ведь об этом событии не осталось никаких записей! Фобо говорил...

– Нет-нет, ты не понимаешь, нет! Мой отец, Жан Жак Растиньяк, родился на другой планете. А сюда прилетел оттуда. Его предки попали на ту другую планету, которая вращается вокруг звезды далеко-далеко отсюда, от даже более далекой звезды!

– А, значит, они были колонистами с Земли? Но опять же, нет никаких записей! По крайней мере, я их не видел. Они должны были быть французами. Но если так, то они улетели с Земли в ту, другую систему больше двухсот лет назад! И они не могли быть канадскими французами, потому что слишком мало их осталось после войны Апокалипсиса. То есть они – французы из Европы. Но последний франкофон Европы умер два с половиной века назад. Так что...

– Неразбериха, *несфа*? Я знаю лишь то, что рассказывал мне мой отец. Он говорил, что он и еще несколько человек с *Вюбофей* в исследовательской экспедиции нашли Озанов. Они приземлились на этом континенте, его товарищи погибли, а он нашел мою мать...

– Твою... кого? Час от часу не легче! – застонал Хэл.

– Она была местная. Ее народ всегда здесь жил. Они построили этот город, они...

– А твой отец был землянином? И ты родилась от его союза с обитательницей Озанова? Невозможно. Хромосомы твоих отца и матери не могли подойти друг другу!

– Плевать мне на хромосомы! – ответила Жанетта дрожащим голосом. – Ты видишь меня перед собой, нет? Я существую, нет? Мой отец лег с моей матерью, и вот она я. Отрицай меня, если можешь.

– Я не в том смысле. Я... то есть...

Он замолчал и лишь растерянно смотрел на нее, не зная, что сказать.

А она вдруг начала всхлипывать. Он обнял ее крепче, ладони прижались к ее плечам. Мягким, гладким плечам, а ее упругие груди прильнули к его ребрам.

– Спаси меня, – сказала она упавшим голосом. – Я так больше не могу! Возьми меня с собой. Ты должен меня спасти.

Ярроу лихорадочно думал. Ему необходимо вернуться назад до того, как проснется Порнсен. А завтра он не сможет увидеть Жанетту, потому что завтра машина с корабля вернется за двумя землянами. Что бы он ни намеревался сделать для нее, это должно быть сделано в ближайшие минуты.

И план родился – внезапно, будто росток, проросший из другой идеи – она давно уже подспудно созревала у него в мозгу. Гораздо, гораздо раньше, чем корабль стартовал с Земли, но у него не хватало смелости, чтобы ее осуществить. А сейчас появилась эта чудная девушка, – и именно ее не хватало, чтобы раздуть в нем пламя отваги, заставить встать на путь, с которого нет возврата.

– Слушай, Жанетта! – сказал он вдохновенно. – Ты будешь ждать меня здесь каждую ночь. Кто бы там ни таился во тьме, ты должна быть тут. Не могу сказать, когда у меня получится добыть лодку и прилететь. В ближайшие три недели, возможно. И даже если меня не будет, продолжай ждать. *Жди!* И я появлюсь. И когда я прилечу за тобой, нам ничего больше не будет угрожать. Какое-то время, по крайней мере. Ты сможешь это сделать? Спрятаться здесь и ждать?

Она кивнула:

– *Ви.*

Глава девятая

Через две недели Ярроу прилетел от «Гавриила» к развалинам. Узкая как спица лодка блеснула в свете полной луны, проплывая над белым мраморным дворцом, и остановилась. Город лежал безмолвно и бесцветно – гигантские каменные кубы, шестигранники, цилиндры и пирамиды, и статуи, разбросанные как игрушки ребенка-великана, убаюканного на века.

Хэл вышел, огляделся вокруг, и зашагал к огромной арке. Луч фонаря ощупывал темноту, голос отдавался от далеких крыш и стен.

– Жанетта! *Се мфа. Фо там*, Хэл Ярроу. Жанетта! *У е ту?* Это я. Твой друг. Где ты?

Он стал спускаться по лестнице, что вела к гробницам королей. Луч фонаря плясал по ступеням – и вдруг расплескался на черно-белой фигуре девушки.

– Хэл! – крикнула она, глядя на него снизу вверх. – Слава Великой Каменной Матери! Я ждала тебя каждую ночь, я знала, что ты прилетишь!

На длинных ресницах дрожали слезы, алые губы трепетали, будто девушка изо всех сил сдерживала плач. Он всем сердцем стремился к тому, чтобы обнять ее и утешить, но недопустимо было даже глядеть на неодетую женщину. Обнять же – просто невыносимо. Хотя именно этого ему и хотелось.

В следующую секунду, будто угадав причину его замешательства, она придвинулась вплотную и положила ему голову на грудь. Ссутулив узкие плечи, она будто пыталась зарыться в него. Его руки машинально обняли ее, мышцы напряглись, кровь прихлынула к чреслам.

Глубоко вздохнув, Хэл выпустил ее и отвернулся.

– Поговорим потом, времени мало. Идем.

Она молча пошла за ним к лодке. И неуверенно остановилась около дверцы. Он нетерпеливым жестом велел ей войти внутрь и занять кресло позади.

– Ты подумаешь, что я трусиха, – сказала она. – Но я никогда прежде не бывала в летающей машине. Оторваться от земли...

Он широко раскрыл глаза в изумлении. Невозможно было себе представить, каково это – не знать воздушных путешествий.

– Садись! – рявкнул он.

Она послушно влезла в кабину и заняла кресло второго пилота. Но никак не могла унять дрожь, глядя огромными карими глазами на огоньки незнакомых приборов.

Хэл глянул на часофон:

– Десять минут до моей городской квартиры. Минута, чтобы поместить тебя там. Полминуты – вернуться на корабль. Пятнадцать минут – доложить о моих наблюдениях среди кувиркунов. Тридцать секунд – вернуться на квартиру. В целом получается менее получаса. Неплохо.

Он засмеялся, довольный собой:

– Я бы прилетел еще два дня назад, но надо было дожидаться, пока разберут все лодки с автоматикой. И тогда я притворился, что очень спешу, что забыл кое-какие записи и мне надо вернуться к себе на квартиру, чтобы забрать их. Так что я взял лодку с ручным управлением, предназначенную для исследований за чертой города. Дежурный офицер ни за что не дал бы мне разрешения, если бы не вот это.

Хэл ткнул пальцем в золотую табличку на левой груди. С изображением буквы ивритского алфавита – «Л».

– Это означает, что теперь я один из Избранных. Я прошел «Измеритель».

Жанетта, забыв о своем ужасе, поглядела на лицо Хэла – бледное в призрачном от приборной панели свете. И вскрикнула:

– Хэл Ярроу! Что они с тобой сделали?

Она нежно тронула пальцами его лицо.

Глаза, страдальчески окаймленные черно-синим, распухшие щеки, на скуле подергивался желвак, на бледной коже проступили семь тонких следов от плети.

– Любой скажет, что я сошел с ума, сделав это, – сказал он. – Я сунул голову в львиную пасть – и он не откусил мне голову. Я сам прикусил ему язык.

– Что ты имеешь в виду?

– Слушай! Тебе не показалось странным, что Порнсен не увязался за мной в ту ночь, не осквернял своим святошеским дыханием мой затылок? Нет? Потому что ты мало что о нас знаешь. Был лишь один-единственный способ сделать так, чтобы мне позволили оставить мою каюту на корабле и поселиться на квартире в Сиддо. То есть так, чтобы жить без *ганпта*, который следит за каждым моим взглядом. Чтобы не бросить тебя здесь в лесу. Не мог же я...

Ее палец скользнул по крылу его носа, к углу губ. Будь это Мэри, он тут же и отшатнулся бы, потому что не выносил телесного контакта. Но сейчас он даже не отодвинулся.

– Хэл, – сказала она тихо. – *Мо шех*.

Он почувствовал, как теплая волна прихлынула к его лицу. *Мой милый*. Ну, а почему нет?

От ее прикосновения кружилась голова, и он сказал, чтобы отвлечься:

– Мне оставалось только одно. Вызваться добровольцем на Измеритель.

– *Ох мехитер? Кюскюсю?*

– Это единственное, что может избавить тебя от постоянной тени *ганпта*. Пройдя Измеритель, ты считаешься очищенным от любых подозрений. Теоретически, по крайней мере.

Мое прошение застало иерархию врасплох. Они не ожидали, что кто-нибудь из ученых – не говоря уже обо мне – вызовется на это добровольно. Уриелиты и уззиты обязаны проходить через это – если надеются продвинуться в иерархии...

– Уриэлиты? Уззиты?

– Пользуясь старинной терминологией, попы и легавые. Предтеча ввел эти названия – имена ангелов – для религиозно-правительственного употребления, взяв их из Талмуда. Понимаешь?

– Нет.

– Объясню позже. В общем, лишь самые ревностные служаки просят разрешения предстать перед Измерителем. Да, конечно, так поступают многие, но лишь потому, что вынуждены. Уриелиты мои шансы оценивали невысоко, но закон требовал дать мне попытку. К тому же они скучали и желали развлечься – как они понимают развлечения.

Он поморщился, вспоминая.

– Через день мне было велено явиться в лабораторию в двадцать три КВ – корабельного времени, значит. Я пошел к себе в каюту – Порнсена не было, – открыл свой лабораторный набор и достал флакон с этикеткой «Пророкпитание». В нем должен был быть порошок на основе мескалина. Это такое средство, которое когда-то использовали знахари американских индейцев.

– *Ке эсю...*

– Слушай и не перебивай. Главное ты поймешь. Пророкпитание принимает каждый из нас в период Очищения. Иначе говоря, ты на два дня запираешься в камере, пост и молитва, пост и молитва, тебя порют электрическими плетьюми, и тебе являются видения, навеянные пророкпитанием. Ну, еще происходит субъективное путешествие по времени.

– *Ке эсю...*

– Да не «чтокай» ты! Нет времени объяснять даннологию. У меня десять лет учебы ушло на то, чтобы понять ее, да еще специализированную математику. И даже при этом у меня оставалось много вопросов, но я не стал их задавать. Наставники ведь могли подумать, что у меня возникли сомнения.

Но так или иначе, а в моем флаконе пророкпитания не было. Я тайно подменил его кое-чем как раз перед отлетом с Земли. Вот благодаря этому порошку я и осмелился предстать

перед Измерителем. И страх мой был лишь отголоском того ужаса, что я должен был бы испытать.

– *Ви!* Ты был храбр, ты преодолел свой страх.

Жар снова залил его лицо – впервые за всю жизнь Хэл услышал комплимент в свой адрес.

– За месяц до старта экспедиции на Озанов я наткнулся в одном из многих научных журналов, доставляемых мне для обозрения, на объявление, что синтезировано некое лекарственное средство. Его действие состояло в уничтожении вируса так называемой марсианской лихорадки. Меня заинтересовала сноска. Мелким шрифтом, на иврите – это означало, что автор-биохимик должен был осознавать ее важность.

– *Пу кфа?*

– Почему? Ну, я так думаю, что он использовал иврит для того, чтобы не поняли непосвященные. Если бы подобная тайна получила огласку... Там была краткая заметка об обнаруженном эффекте: один человек, страдавший от лихорадки, оказался временно иммунным к эффектам гипно-липно. А значит, уриелиты должны тщательно следить за тем, чтобы во время сеансов с Измерителем объект был здоров.

– У меня трудности с пониманием тебя, – сказала она.

– Повторю медленнее: гипно-липно – наиболее распространенная модификация так называемой сыворотки правды. Значение этой сноски я понял сразу же, в тот же миг! В начале статьи описывалось, как можно вызвать марсианскую лихорадку наркотиком, введенным в организм в экспериментальных целях. Какое именно средство использовалось, там не сообщалось, но я нашел информацию о нем и его производстве в других журналах. Ну и подумал: если истинная лихорадка может сделать человека иммунным к гипно-липно, почему не может искусственная?

– Сказано – сделано. Я приготовил пробную партию, вставил ленту с вопросами о своей личной жизни в психотестер, ввел себе средство для лихорадки, затем ввел сыворотку правды и приготовился соврать тестеру. И *смог* соврать, хотя был накачан гипно-липно!

– Какой ты умный, что это придумал, – сказала она мурлыкающим голосом.

И легонько сжала ему бицепсы. Он тут же напряг их – это было тщеславие, конечно, но хотелось, чтобы она сочла его сильным.

– Чепуха! – ответил он. – И слепой бы увидел. Я бы не удивился, узнав что уззиты арестовали того аптекаря и отдали приказ использовать сыворотку другого состава. Но если они это и сделали, то опоздали. Наш корабль стартовал прежде, чем до нас дошли такие известия.

– Насчет первого дня с Измерителем можно было вообще не волноваться. Мне предстояло выдержать двенадцатичасовой устный и письменный экзамен по сериализму. Это теории времени Данна и Сигменовы их усиления. Такие экзамены я сдавал годами. Просто, хоть и утомительно.

– На следующий день я встал пораньше, совершил омовение и принял то, что считалось пророкпитанием. Ничего не ел, сразу отправился в Камеру Очищения. И там провел два дня, на койке, в полном одиночестве. Время от времени я пил воду или принимал порцию фальшивого лекарства. Каждый час нажимал кнопку, запускавшую механическую плетть. Чем чаще происходит бичевание, тем выше твоя репутация.

– Видений никаких не помню, наверное, лихорадка избавила меня от них. Это меня ничуть не беспокоило. Возникни у кого-либо подозрения, я смог бы отговориться аллергией на пророкпитание. Такое встречается иногда.

Он глянул вниз. Таинственный лес в лунном инее и время от времени – квадрат или шестиугольник света крестьянской усадьбы. Впереди возвышалась гряда холмов, за ней – Сиддо.

– Так что, – продолжал он, незаметно для себя ускоряя речь по мере приближения холмов, – в конце очищения я встал с койки, оделся и съел обрядовый ужин из акрида и меда.

– Фе!

– Акриды – это не так уж плохо, если ты привык к ним с детства.

– Акриды – прелесть, – ответила она. – Я их много раз ела. Мне тошно от сочетания с медом.

Он пожал плечами:

– Сейчас я выключу свет в кабине. Ложись на пол. И надень вот этот плащ и ночную маску. Сойдешь за кувркуна.

Она послушно соскользнула с сиденья. Перед тем как выключить свет, он посмотрел, как она там устроилась. Девушка потянулась, надевая плащ, и он не мог удержаться от взгляда на груди идеальной формы. Соски алые, точь-в-точь как губы. Он дернул головой, отворачиваясь, но картина все стояла перед глазами. Сейчас им овладело сильное возбуждение, но он знал – даже в этот момент, – что потом придет стыд.

Он продолжал говорить, чувствуя себя неловко.

– И затем уже в дело вступила иерархия. Сандалфон Макнефф. После него теологи и специалисты по даннологии: психоневрологические параллелисты, интервенционисты, субстратумисты, хронентрописты, псевдотемпоралисты, космообессервисты.

– Они посадили меня на стул, установленный в фокусе модулирующего магнито-детекторного поля. В руку вогнали гипно-липно. Выключили свет, помолились за меня и стали петь главы из «Западного Талмуда» и «Обновленных Писаний». Потом направили прожектор на элохиметр...

– *Эс асе аса?*

– Элохим – Бог на иврите. А «метр» – такое окончание придают обычно измерительным приборам вроде этих. – Он показал на приборную панель. – Элохиметр круглый и огромный, и стрелка у него длиной с мою руку, показывает прямо вверх и вниз. Окружность циферблата отмечена ивритскими буквами, которые что-то значат – для проводящих испытания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.